38/2449

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть двадцать восьмая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюля 5 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

№ 13. Іюль.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИСТОРІЯ РИМСКАГО ПРАВА ВЪ СРЕДНІЯ ВРЕМЕНА (*).

Его Превосходительству, П. И. Дегаю,

посвящаетъ Переводчикъ.

Въ Исторіи постановленій и понятій, оказывавшихъ на міръ вліяніе сильное и продолжительное, Римское Право представляетъ не второстепенную роль. Какое было первоначаль-

(*) Поставляя обязанностью знакомить нашихъ читателей съ новыми идеями и важнѣйшими предметами, обращающими на себя вниманіе современной Европы, счастливыми себя почитаемъ, что въ нынѣшнемъ году, объяснивъ важность Нибурова сочиненія о Римской Исторіи, Телеграфъ можетъ показать сущность и другаго, не менѣе важнаго, Германскаго творенія: Geschichte des roemischen Rechts in Mittelalter. Сіе сочиненіе, на которомъ всего болѣе основана слава знаменитаго Берлинскаго Профессора Савиньи, совсѣмъ неизвѣстно у насъ въ Россіи. Статья,

ное его происхожденіе, мы еще не знаемъ; но каковъ былъ жребій его, свѣтъ знаетъ это, ибо еще донынѣ онъ подчиненъ отчасти предписаніямъ и основаніямъ Римскаго Права. Сіе законодательство, коего колыбель теряется въ преданіяхъ и миѳахъ древней Италіи, мало по малу, освобождалось отъ завѣсъ и символическихъ образовъ, дабы достигнуть строгаго разума и опредѣленнаго генія политики. Оно, при помощи завоеваній и по слѣдамъ Римскаго орла, посылало Преторовъ покорять своимъ уставамъ значительную часть міра. Оно потомъ, на обломкахъ Республики и подъ державою Императорскою, преобразившись въ занятіе ученыхъ и литтераторовъ, сдѣлалось безсмертнымъ изученіемъ всѣхъ законодательствъ, уваженное Христіанствомъ, поставившимъ подлѣ устава нравственности, переданнаго Христомъ, основанія закона, почерп-

---

здѣсь предлагаемая, даетъ понятіе о сущности сего сочиненія. Хотя Юриспруденція собственно не входитъ въ составъ Телеграфа, но мы никогда не откажемся помѣстить въ немъ любопытное юридическое изслѣдованіе или сочиненіе: чѣмъ разнообразнѣе журналъ, тѣмъ лучше, только-бы разнообразился онъ съ умомъ и пользою. Впрочемъ, книга Савиньи не просто юридическая, но вполнѣ историческо-философическая. Три, четыре такія статьи, каковы статья о книгѣ Нибура, и статья о книгѣ Савиньи, платятъ уже долгъ журналиста публикѣ. *Изд. Тел.*

нутаго въ философіи Портика. Не увлеченное порывомъ наводненія варварскихъ народовъ, бывшее правомъ побѣжденныхъ, на ряду съ Салійскими и Рипуерскими законами, умягчавшее постепенно права и нравы побѣдителей, оно, послѣ безмолвнаго владычества въ теченіе четырехъ вѣковъ, блистательно ожило въ Италіи, изъ сей древней отчизны своей перешло въ Германію, гдѣ сдѣлалось общимъ правомъ, во Францію, гдѣ управляло уже повелительно половиною страны, и наконецъ, кромѣ своего положительнаго могущества, существуетъ въ наше время среди новѣйшихъ законодательствъ, какъ несокрушимый памятникъ, какъ вѣчное и таинственное училище юрисповъ и мыслителей: таково Римское Право, таковы его могущество и продолжительность.

Всего поразительнѣе въ судьбѣ Римскаго Права его непрерывность, скажемъ болѣе, его безсмертность. Со временъ самыхъ первыхъ Царей Рима (jus papyrianum) до нашихъ временъ, оно всегда дѣйствовало на общество, безъ перерыва, безъ междуцарствій. Между тѣмъ, не смотря на свидѣтельства Исторіи, странное мнѣніе утвердилось у многихъ: вообразили, что нашествіе и владычество варваровъ на нѣкоторое время заставили Римское Право уничтожиться, исчезнуть, и что потомъ, чрезъ нѣсколько вѣковъ промежутка, случай снова воскресилъ его. Уже

съ давняго времени, особенно въ Германіи, истинно-ученые юристы отринули сіе повѣрье, составленное легкомысліемъ и невѣжествомъ. Но въ толпѣ, повѣрье это все еще сохраняло какой-то родъ общей увѣренности, и никогда не было предметомъ особеннаго и полнаго опроверженія. Сей недостатокъ новѣйшей Литтературы дополнила въ наше время *Исторія Римскаго Права въ Среднія Времена*, сочиненная знаменитымъ Савиньи. Это была блестящая побѣда надъ предразсудкомъ, и книга Савиньи, пояснивъ всю сущность Римскаго Права, увѣрительно показала непрерывность и продолженіе онаго въ Средніе вѣки, будучи сама по себѣ памятникомъ учености и удивляющаго умственнаго трудолюбія временъ новѣйшихъ.

Сначала Авторъ хотѣлъ составить чисто-литтературную Исторію Римскаго Права, со временъ Ирнерія (Irnerius) до нашихъ временъ. Но вскорѣ, сей планъ показался ему слишкомъ поверхностнымъ; и дѣйствительно, онъ основанъ былъ на раздѣленіи, совершенно ложномъ, самой Исторіи Права отъ Литтературной его Исторіи. Оставивъ предпріятіе, которое было недостойно ума, столь глубоко Историческаго, Авторъ остановился на другой мысли, совершенно отличной и болѣе обильной послѣдствіями: онъ рѣшился перенесть начало своей работы далѣе, и изслѣдовать подробно происхожденіе но-

вѣйшихъ Правъ; его сочиненіе представило вѣрныя доказательства, что основаніе Юриспруденціи временъ новѣйшихъ, во всемъ томъ, что основано въ ней на Римскомъ Правѣ, было не дѣло случая, но вполнѣ и безъ всякаго перерыва перешло къ намъ изъ Западной Имперіи, развитіемъ естественнымъ и преобразованіями послѣдовательными.

Скажемъ общее заключеніе наше о твореніи Савиньи. Преслѣдовать Римское Право, въ его измѣненіяхъ и его многообразной участи, общими воззрѣніями и частными разысканіями; искать во времена варваровъ всего, что было Римское, узнавать малѣйшіе слѣды его, съ особенною способностью, и, наконецъ, доказать безпрерывную продолжительность Римскаго Права въ вѣкахъ: таковы цѣль, общность и характеръ книги Савиньи. Во всемъ, что пишетъ Авторъ о Германцахъ и ихъ постановленіяхъ, показываетъ онъ величайшую обширность критики, и огромною своею ученостью, по крайней мѣрѣ, равняется другимъ писателямъ, занимавшимся одними съ нимъ предметами. Что касается до живописи и понятій о Германскихъ нравахъ, о жизни варваровъ, надобно признаться, что Савиньи раздѣляетъ недостатокъ, общій многимъ ученымъ Германцамъ: эта часть труда его есть ученая диссертація, а не Исторія, и какъ ни ярко блистаетъ свѣтъ, разливаемый Савиньи на многіе предметы, но, онъ не даетъ намъ пол-

наго и совершеннаго понятія о варварскихъ народахъ Среднихъ Временъ, ихъ нравахъ, бытѣ, ихъ поколѣніяхъ. Посему въ извлеченіи, коимъ хотимъ показать читателямъ нашимъ сущность творенія Савиньи, мы постараемся обращать вниманіе на то, что собственно касается Римскаго Права, участи его среди варварскихъ народовъ и въ Среднія Времена, постараемся заняться собственно жизнеописаніемъ сего удивительнаго законодательства, съ той поры, когда оно потеряло власть надъ Капитоліею.

Въ Римѣ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, первобытныя Права основывались на вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Не было писаннаго закона; были нравы и вѣра. Между тѣмъ политическія отношенія привели Римлянъ къ составленію *Двѣнадцати Таблицъ*, на коихъ была основана большая часть древнихъ обычаевъ. Вотъ почему, Двѣнадцать Таблицъ Римскихъ законовъ сдѣлались и оставались основою Права Гражданскаго, даже до временъ Юстиніана. Древнее Право состояло собственно изъ собранія символическихъ актовъ, коихъ формулы были опредѣленны и необходимы, и коихъ познаніе и приложеніе составляло главнѣйшее дѣло юристовъ: они были, какъ-бы хранители древней и строгой самобытности Права. Но, когда Римъ, повелитель Италіи, распростеръ свое владычество на другія страны, Древнее Право должно было утратить свою тѣсную

опредѣленность, дабы сдѣлаться общнѣе. Уже до выступленія Римлянъ изъ предѣловъ Италіи, явился въ ряду съ Народнымъ или Гражданскимъ Правомъ Римлянъ (jus civile), родъ Права Общаго, Естественнаго (jus gentium): неизбѣжное слѣдствіе сношеній и торговли съ иноземцами. Вначалѣ, сіе новое Право служило только для иностранцовъ, и надзираемо было особымъ Преторомъ; но вскорѣ Римляне обобщили сіе Право для самихъ себя, и такимъ образомъ ввели они въ гражданскій бытъ и jus gentium и jus civile. Институція и эдикты Преторовъ удивительнымъ образомъ служили къ распространенію и устройству сего переворота; напротивъ, юристы отрицали оный, и силились въ своихъ писаніяхъ сохранять только Древнее Право. Такъ въ концѣ республики, Двѣнадцать Таблицъ и Эдикты Преторовъ были двумя основаніями Права и законодательства.

При Императорахъ важность эдиктовъ Преторскихъ долженствовала увеличиться; народный характеръ и религіозное уваженіе къ древности изглаживались, и тогда юристы увидѣли себя въ новомъ положеніи. Право перенесло тысячи революцій, и надобно было соображать безчисленное множество источниковъ и авторитетовъ, дабы достигать простыхъ выводовъ для практики. Это составляло занятіе, требовавшее времени и знаній, превосходившихъ силы и судей

и Преторовъ, занятіе, которое только наука могла исполнить надлежащимъ образомъ. Обстоятельства были благопріятны; сношенія Рима съ Греціею подкрѣпляли его литературный геній, и во всѣхъ направленіяхъ умъ Римлянъ тревожился потребностью производить. Могла-ли Юриспруденція, заключавшая въ себѣ столько сокровищъ, не раздѣлять общаго движенія? Въ древней Республикѣ, кромѣ войны, два пути вели къ значительности и славному имени: Краснорѣчіе и Юриспруденція; но Краснорѣчіе пало съ Римскою свободою, и съ нею вмѣстѣ утратило свою почесть, свою силу, свой блескъ. Напротивъ, въ Юриспруденціи сохранялся, болѣе нежели въ чемъ-либо другомъ, древній духъ Рима, и потому все, что мыслило еще по Римски, стекалось сюда, и ученіе Правъ сдѣлалось принадлежностью самыхъ доблестныхъ умовъ, самыхъ высокихъ характеровъ. Отъ сего въ Римской Юриспруденціи, во второмъ и третьемъ вѣкѣ, было неслыханное велелѣпіе ума, какого не представляютъ намъ ни одна эпоха, ни одинъ народъ. Но столько величія среди общаго упадка долженствовало быстро погибнуть; люди высшаго образованія вскорѣ исчезли, и великіе юристы временъ Каракаллы и Александра Севера не имѣли послѣдователей.

Постановленія Императоровъ еще болѣе увеличили источники Правъ. Сначала Императоры

давали только рескрипты, то есть, поясненія при исполненіи законовъ, утвержденія мнѣній чиновниковъ и частныхъ людей. Но при Константинѣ, Императорское законодательство приняло другой характеръ. Христіанство, объявляя открытую войну древнимъ нравамъ, необходимо долженствовало часто прибѣгать къ закопамъ; постановленія Императоровъ умножались и сдѣлались настоящими законами. Такимъ образомъ, въ началѣ пятаго вѣка, источники Правъ были слѣдующіе: *для теоріи*, древніе уставы Плебеевъ (plébiscites), постановленія Сената (sénatus-consultes), эдикты Римскихъ судей, неписанные обычаи, и, наконецъ, Двѣнадцать Таблицъ; но для дѣйствій, *для практики*, принимались только писанія великихъ юристовъ и постановленія Императоровъ, и между тѣмъ практика представляла еще великія трудности. Безъ сомнѣнія, много сдѣлали юристы для судей, обработывая древніе источники; но ихъ творенія были многочисленны, списки съ оныхъ многоцѣнны; притомъ юристы часто противорѣчили другъ другу, и гдѣ можно было найдти высшее сужденіе, способное разрѣшать споры? Знаменитое постановленіе Валентиніана III-го, 426-го года, показало правила, какъ судьи должны были употреблять писанія юристовъ: сочиненія пяти изъ нихъ, Папинія, Павла, Гаія, Ульпіана и Модестина получили силу законовъ, за исключеніемъ примѣча-

ній Ульпіана и Павла на Папинія. Употребленіе Императорскихъ постановленій было также весьма не легко: ихъ число и смѣшеніе дѣлали изученіе оныхъ весьма многотруднымъ; впрочемъ, при покровительствѣ власти, собраніе ихъ не могло затруднять. Первыми въ семъ отношеніи были кодексы Грегоріанскій и Гермогенскій, предназначенные только для рескриптовъ; но кодексъ Ѳеодосія II-го, 438-го года, имѣлъ совсѣмъ особенную важность. Составленный въ Константинополѣ, онъ содержалъ эдикты, данные со временъ Константина. Многочисленныя Новеллы были послѣ того обнародованы. Вотъ чѣмъ доказывается ошибка, въ которую впали многіе новѣйшіе писатели, между прочимъ Монтескьё (*), полагая, что въ эту эпоху, одно Ѳеодосіево Право составляло всѣ законы Римлянъ.

Но всѣ сіи, послѣдовавшія одно за другимъ, разложенія законовъ, еще не ограничили собою многообразія Римскаго законодательства. Передѣланные законы, какъ мы видѣли, еще не превосходили разумѣнія тогдашняго времени. Но, немного спустя послѣ разрушенія Западной Имперіи, въ теченіе придцати лѣтъ, четыре опыта кодексовъ были предприняты, у четырехъ различныхъ народовъ: эдиктъ Ѳеодорика, Короля Остро-Готѳскаго, въ 500-мъ году; Breviarium

(*) Esprit des lois, XXVIII, 4.

Аларика, Короля Визи-Готоскаго, въ 506-мъ году; *Папіенъ* Бургундскій, вскорѣ послѣ 500-го года; наконецъ, книги Юстиніана, составленныя сначала для Восточной Имперіи, отъ 528-го до 534-го годовъ. Далѣе мы будемъ говорить о трехъ первыхъ кодексахъ; что касается до книгъ Юстиніана, превышающихъ оные кодексы собою, юристы, безъ несправедливости, конечно не могутъ отказать имъ въ своемъ уваженіи и въ своей благодарности. Составленіе оныхъ произведено было съ разборчивостью здравою и умомъ проницательнымъ, и кодексы Юстиніана, по прошествіи 1300 лѣтъ, все еще передаютъ намъ духъ Римскаго Права, не смотря на безмѣрные промежутки нашихъ историческихъ познаній.

Отъ законовъ, собственно такъ называемыхъ, перейдемъ къ постановленіямъ. Древняя Республика простирала свое могущество на Италію и на области. Такое раздѣленіе, само по себѣ разумѣется, неоднократно измѣняемое, сохранилось во все время Имперіи, и служило правиломъ въ послѣдовавшихъ за пѣмъ событіяхъ.

Войны въ Италіи безвозвратно покорили Риму многочисленныя республики, его окружавшія. Но послѣ покоренія своего, побѣжденные города получали городовыя права, и въ тоже время сохраняли свое внутреннее управленіе. Такая свободная конституція городовъ (или Муниципальное Право) составляла политическій характеръ Ита-

ліи. Сказанное нами касается Муниципаловъ и Колоній; въ послѣдствіи мы будемъ говорить особо о Префектурахъ. Два предмета вызываютъ теперь наше вниманіе: народъ и сенатъ вольныхъ городовъ и ихъ судейство (magistratures).

Въ Италійскихъ городахъ, такъ-же какъ и въ Римѣ, народъ имѣлъ власть верховную въ своихъ собраніяхъ. Не только назначалъ онъ судей, но составлялъ законы и выдавалъ декреты. Что въ послѣдствіи всюду, такъ какъ и въ самомъ Римѣ, власть перешла отъ народа къ сенату, нѣтъ ничего удивительнаго: это было неизбѣжное подражаніе монархіи Тиверія.

Сенатъ, коего обыкновенное имя было: ordo decurionum, или просто: ordo, а потомъ: curia, и коего члены назывались: decuriones, или curiales, былъ обязанъ управлять городомъ, обще съ судіями. Только декуріонъ могъ быть избранъ въ судьи, и избраніе дѣлалось сенатомъ. Судья, находясь въ должности, могъ представить своего преемника; но такое право было болѣе тягостью, нежели преимуществомъ, ибо, представленіе преемника возлагало на судью всю отвѣтственность за представленнаго имъ. Посему судьи часто предоставляли выборъ Правителю области.

Въ свободномъ Римѣ было два рода гражданъ: одни участвовали въ владычествующемъ могуществѣ; другіе были изъ онаго исключены (optimo

jure, non optimo jure cives). Право участвовать въ трибѣ и возможность быть избраннымъ въ разныя судейскія должности, составляли истинное гражданство (suffragium et honores). Такое различіе гражданъ можно приложить къ Италійскимъ городамъ; но въ семъ случаѣ, одни декуріоны должны быть почитаемы настоящими гражданами, и остатокъ народа составятъ граждане низшіе (cives non optimo jure). При Августѣ учинилось такое измѣненіе: онъ позволилъ однимъ муниципальнымъ гражданамъ (*) присылать ихъ суффрагіи въ Римъ. Понятно, что отъ этого, званіе декуріоновъ приобрѣло почесть и важность, и кто станетъ сомнѣваться въ этомъ, тотъ можетъ убѣдить себя чтеніемъ Ираклійской таблицы. Но когда деспотизмъ задушилъ совершенно гражданскую жизнь, декуріи упали, пришли въ жалкое положеніе, и ничто не можетъ намъ дать яснѣйшаго понятія о внутреннемъ разслабленіи Римской имперіи, при Императорахъ христіанскихъ, какъ многочисленныя конституціи Ѳеодосіева Кодекса о декуріонахъ. Плебеи не хотѣли вступать въ декуріи, и декуріоны, всѣми возможными средствами старались избѣжать своего достоинства. Многіе изъ нихъ скры-

(*) Безъ сомнѣнія, съ того времени, слово: municipes, означавшее прежде всѣхъ гражданъ, начали употреблять болѣе въ смыслѣ однѣхъ декурій.

вались въ рядахъ воиновъ, входили даже въ званіе рабовъ: повсюду ихъ искали и насильно вводили въ куріи. Преступники, вмѣсто наказанія, осуждались—быть декуріонами: дѣло, запрещенное въ послѣдствіи указомъ Ѳеодосія. Но Жидовъ и ересиковъ безпрепятственно возводили въ декуріоны; незаконные дѣти получали права законныхъ, если по волѣ соглашались вступить въ сословіе декуріоновъ. Такое несчастное смѣшеніе правъ не было слѣдствіемъ конституціи, но плодомъ самовольнаго и тиранскаго приложенія законовъ къ дѣламъ. Правители областей, по своей волѣ и противъ всякой справедливости, распространяли отвѣтственность судей, преслѣдовали своими притѣсненіями главнѣйшихъ гражданъ, и состояніе самое низкое было единственнымъ средствомъ спасенія.

Непосредственное правленіе дѣлъ муниципальныхъ было ввѣрено судьямъ. Мы будемъ говорить здѣсь только о тѣхъ, которые управляли правосудіемъ, о нѣкоторыхъ другихъ, коихъ слѣды еще сыскиваются и по разрушеніи Имперіи (duumviri, præfecti, quinquennales, defensores) и чиновникахъ, принадлежавшихъ къ судебнымъ канцеляріямъ. Всѣ сіи роды чиновниковъ имѣли въ рукахъ своихъ jurisdictio contentiosa et voluntaria (*). Надъ ними тяготѣло только

(*) Не говоримъ здѣсь объ уголовномъ судопроиз-

судопроизводство Императорскаго Правителя, установленное въ Италіи съ втораго вѣка.

Первоначальное судейство Италійскихъ городовъ можетъ быть уподоблено Римскому Консульству, до отдѣленія отъ него Преторства. Судьи надзирали надъ внутреннимъ управленіемъ, предсѣдали въ Сенатѣ, и исполняли правосудіе. Они назывались: duumviri J. D. (juri dicundo) или quatuorviri, смотря потому, сколько ихъ было: двое или четверо. Вскорѣ, назначеніе судей сдѣлалось собственно ихъ дѣломъ. Обязанность, или должность каждаго, продолжалась не болѣе года. Не легко опредѣлить точнымъ образомъ границы ихъ судопроизводительной власти. По видимому, во время Республики она была неограниченна, и ограниченія, какія мы находимъ въ источникахъ Римскаго Права, сдѣланы были въ послѣдствіи. Съ вѣроятностью предположить можно, какимъ образомъ введены были ограниченія. Такъ, напримѣръ, когда Цизальпійская Галлія, образующая нынѣ Ломбардію, утратила свою собственную конституцію и была включена въ Италію, политика Римлянъ должна была избѣгать слишкомъ рѣзкаго перехода отъ свободы къ порабощенію. Города сохранили свое судопроизводство,

---

водствѣ, которое весьма скоро отнято было у муниципальной власти; притомъ, оно и не сохраняло въ себѣ преданія о Римскомъ Правѣ.

но ограниченно; важнѣйшія дѣла долженствовали быть переносимы въ Римъ, предъ судилище Претора. Адріанъ раздѣлилъ всю Италію, за исключеніемъ одного удѣла (district), непосредственно подчиненнаго Претору Рима, на четыре Консульства. При Маркѣ Авреліи Консульства были замѣнены *Юридиціями* (juridici), имѣвшими тѣже права, но безъ консульскихъ почестей. И такъ, конституціи не были уничтожаемы, но переживали все другое при власти Императорскихъ правителей, и весьма правдоподобно, что правила судопроизводства, бывшія въ дѣйствіи для Цизалпійской Галліи, распространялись и на остальную Италію, сокращая болѣе и болѣе свободу Муниципаловъ. Вотъ система законовъ, по которой управлялась Галлія (lex Galliæ cisalpinae): судья могъ избирать чиновника, называвшагося judex, и установить judicium; въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое судопроизводство было неограничено, въ другихъ, какъ-то: въ займахъ, когда сумма превосходила 1500 сестерцій, оно не было уже подлежащимъ судьѣ; онъ могъ требовать порукъ, propter damnum infectum, и если поручительство не было представлено, опредѣлить количество вознагражденія убытковъ. Другія, частныя распоряженія, какъ-то: власть произносить рѣшеніе по поводу judicium familiæ herciscundæ, доказываютъ также силу судей. Кромѣ того, судья имѣлъ imperium, и, какъ знакъ своего высокаго

достоинства, tribunal. Но судьи городовъ не долго хранили такое многомочіе. Дигестъ и писанія Павла означаютъ ихъ подъ именемъ только magistratus minores; у судей отняли imperium, potestas и tribunal.

Послѣдующее судейство Италійскихъ городовъ составляли Префекты. Во многихъ городахъ они замѣнили Дуумвировъ. Уставъ ихъ состоялъ въ томъ, что управленіе правосудіемъ ввѣрялось судьямъ, коихъ выбирали города; но во многихъ Италійскихъ городахъ, Префектъ былъ ничто иное, какъ præfectus juri dicundo*, каждогодно назначаемый въ Римѣ, посылаемый изъ Рима, и отправлявшій должность судьи. Города, получавшіе префектуру, отличались отъ другихъ только именемъ судьи, замѣщавшаго собою Дуумвира. Они имѣли свои сенаты, именовывали другихъ судей, назывались одни *муниципальными*, другіе *колоніяльными*, и когда мы видимъ одинъ и тотъ-же городъ, именуемый по муниципальнымъ, то префектурнымъ, въ сей разности наименованій нѣтъ ни противорѣчій, ни несвойственности. Условія гражданскаго быта въ префектурахъ не различались отъ гражданственности муниципальной. Иначе, могъ-ли Цицеронъ, гражданинъ Арпинскій (*),

(*) Фестъ говоритъ, что Arpinum и Pouzzoles были префектуры.

сдѣлашься Консуломъ народа Римскаго? Слѣдственно: въ важную ошибку впадали тѣ писатели, которые утверждали, что префектуры выходили уже изъ конституцій, и что званіе гражданъ въ префектурахъ было менѣе почетно, нежели въ муниципальныхъ городахъ.

Третьяго рода судей называли: censor, curator, или quinquennalis: три названія, означавшія одинакую должность. Смотря по времени и мѣсту перемѣнялись имена. Довольно вѣрно можно себѣ представить судей сего рода, соединивъ вмѣстѣ Цензуру и Квестуру Римскую. Кураторъ надзиралъ надъ строеніями и казенными работами, утверждалъ недвижимыя имѣнія, и управлялъ капиталами города.

Не можемъ оставить судей Италійскихъ городовъ безъ замѣчанія о томъ, что они могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ передавать свои должности частнымъ людямъ, принимавшимъ тогда названіе: agentes vices (*).

Можно подумать, что переходя изъ Италіи въ области, мы увидимъ совершенно особенное зрѣлище, ибо, еще до покоренія власти Рима,

---

(*) Дабы дополнить исчисленіе чиновниковъ по городамъ, надобно прибавить къ нимъ людей, составлявшихъ канцелярію. Ихъ наименованія часто перемѣнялись.

области имѣли свою самобытность, и подъ владычествомъ Рима продолжали удерживать нѣкоторую часть оной. Но власть Императоровъ Римскихъ умѣла до всего достигнуть съ своимъ деспотизмомъ и однообразіемъ формъ. Такъ, муниципальныя куріи введены были повсюду, съ малыми различіями; такъ, большая часть декуріонныхъ конституцій начинала постепенно властвовать во многихъ частяхъ Имперіи, до того еще времени, когда Кодексъ Ѳеодосія сдѣлалъ ихъ повсюду непремѣннымъ закономъ. Вотъ почему, все, что мы говорили о Сенатахъ Италійскихъ городовъ, ихъ принадлежностяхъ и паденіи, можетъ и должно быть прилагаемо къ областямъ. Но судейство представляло въ нихъ важныя разницы. Въ слѣдствіе Римскихъ понятій, было два рода гражданскихъ службъ: съ однѣми соединялись достоинство и личное отличіе (honor); другія не представляли сихъ преимуществъ (munus).

Областные города, какъ-то: города Галліи, имѣли большое число должностей сего втораго рода (munera); были и въ нихъ почетныя должности (honores), особливо въ отношеніи къ религіи и богослуженію, но никогда не было въ сихъ городахъ высшихъ достоинствъ, подобныхъ Италійскому дуумвирству, управлявшему, какъ мы видѣли, городомъ и куріею, и отправлявшему правосудіе.

Нѣкоторые изъ областныхъ городовъ, по особенной благосклонности, пользовались однакожъ *Италійскимъ правомъ* (jus italicum). Сіе право, не дававшее гражданину отдѣльно никакихъ преимуществъ, но дававшее ихъ только *городу*, состояло во многомъ, ибо, оно давало городу *квиритское* (quiritaire) раздѣленіе земель, commercium, и въ слѣдствіе того право отдачи въ собственность, давности владѣнія, преслѣдованія, также изъемлемость изъ поземельной подати. Симъ еще не все ограничивалось: городъ, имѣвшій jus italicum, имѣлъ свободную конституцію, подобно городамъ Италіи, дуумвировъ, quinquennales, эдиловъ, и, преимущественно, свое судопроизводство; такимъ образомъ, свое судопроизводство принадлежало только привиллегированнымъ городамъ. Это всего яснѣе видно въ Галліи Цизалпійской. Когда сія страна подпала власти Римлянъ, то, народонаселеніе оной составляли независимые другъ отъ друга народы (civitates); всѣ они имѣли аристократическую конституцію. Можетъ быть и подъ владычествомъ Рима сохраняли они нѣсколько времени свой политическій союзъ; но когда система декурій развилась и распространила повсюду однообразіе въ областяхъ, то продолженіе древнихъ конституцій, кажется, сдѣлалось невозможнымъ. Дворянство Галліи, безъ сомнѣнія, должно было удаляться изъ помѣстьевъ,

соединяться въ куріяхъ главныхъ городовъ, и тамъ поддерживать свою важность. Но привиллегій уже не было, и всѣ города были подвергнуты одинаковой зависимости, одинаковому судопроизводству, подъ властью Правителя области. И въ послѣдствіи, города Галліи, такъ-же какъ и области, не имѣли судей, соотвѣтствовавшихъ дуумвирамъ. Кодексъ Ѳеодосія весьма опредѣлителенъ, касательно образованія Галлійскихъ курій (*). Онъ установляетъ, что первый изъ декуріоновъ долженъ править куріею, и, такимъ образомъ, быть главою дѣлъ муниципалитета (ordinis administratio, gubernacula urbium, curiam regere): сей главный назывался principalis. Когда онъ удалялся, и когда его надлежащій преемникъ, второй послѣ него членъ (usque

(*) Placuit principales viros e curia in Gallicis non ante discedere quam quindecennium in ordinis sui administratione compleverint... Sane quoniam principalem locum et gubernacula urbium probatos administrare ipsa magnitudo deposcit, sine ordinis præjudicio, consensu curiæ eligendos esse censemus, qui contemplatione actuum omnium possint respondere judicio. Eum vero, qui, usque ad secundum evectus locum, administrationem aut ætate implere aut debilitate nequiverit, suffragium meritorum et transactæ testimonium vitæ, tanquam primus constituto tempore curiam rexerit, obtinere conveniet. — 171, *Cod. Th. de decur.* (12 — 1).

ad secundum evectus locum), былъ слишкомъ старъ или слабъ для управленія дѣлами, Сенатъ производилъ выборъ, не нанося тѣмъ предосужденія надлежащему преемнику, который соблюдалъ и предсѣдательство и преимущества свои (sine ordinis præjudicio). Principalis долженствовалъ оставаться въ должности всю свою жизнь, или, по крайней мѣрѣ, не прежде 15-ти лѣтъ службы могъ быть уволенъ: случай, впрочемъ, весьма рѣдкій для предсѣдателя Сената. Несправедливо будемъ воображать себѣ, что principalis былъ судьею: онъ былъ тоже, что нынѣ президентъ коллегіи; судья, напротивъ, былъ чиновникъ частный и личный. Впрочемъ, какимъ-же образомъ судья у Римлянъ могъ-бы имѣть должность на всю жизнь? По всему должно положить весьма вѣроятнымъ, что principalis, совершенно не имѣвшій званія судьи, не вмѣшивался въ судопроизводство.

Судопроизводство въ областяхъ принадлежало Правителю, намѣстнику Императорскому, который отправлялъ его самъ лично, или чрезъ довѣренныхъ особъ; мы уже объяснили, что изъ сего должно исключать города, пользовавшіеся *Италійскимъ Правомъ*: они имѣли собственное судопроизводство, съ аппеляціею къ Правителю.

Что классическіе юристы часто говорятъ о

муниципальныхъ судьяхъ, это весьма естественно. Они жили въ Италіи, гдѣ такое постановленіе было повсемѣстно. По обратной причинѣ, кодексы Ѳеодосія и Юстиніана, чрезвычайно подробные во всемъ, что касается декурій, почти ничего не говорятъ о муниципальныхъ судьяхъ, ибо, оба сіи кодекса, приготовленные хотя и для обѣихъ Имперій, были составлены въ областяхъ, гдѣ декуріи составляли общее правило, а судейство исключеніе.

Области отличались еще отъ Италіи установленіемъ *Защитниковъ* (defensores). Мы находимъ сіе званіе въ первый разъ, съ видимыми признаками постояннаго учрежденія, въ 365-мъ году. Титулъ такихъ чиновниковъ былъ: defensor civitatis, plebis, loci. Ихъ избирали не одни декуріи, но весь городъ. Главное дѣло ихъ состояло, какъ и самое имя показываетъ, въ защитѣ городовъ отъ притѣсненія Правителей. Впрочемъ, они были облечены правомъ низшаго судопроизводства, которое со временъ Юстиніана возвышено было до 300 солидовъ. Имъ даваемъ былъ одинъ excertor и два чиновника. На рѣшеніе Защитниковъ аппеляція шла къ Правителю. Въ уголовныхъ дѣлахъ, они принимали участіе только совѣщая другимъ, но Юстиніанъ позволилъ имъ рѣшать нѣкоторыя уголовныя дѣла небольшой важности.

Таковы главныя черты, ознаменовывавшія судей-

ство въ Италіи и въ областяхъ. Намъ остается бросить бѣглый взглядъ на внутренній составъ Городовыхъ Сенаторовъ. Законное число сенаторовъ было, кажется, сто; но правило въ семъ случаѣ не всегда наблюдали. Album декуріоновъ отличалъ почетныхъ членовъ (patroni) отъ членовъ обыкновенныхъ. *Патронами* именовались декуріоны, достигшіе великихъ степеней въ государствѣ, или знаменитыя особы, которыхъ Сенатъ включалъ въ составъ свой, изъ уваженія или по гордости. Вотъ порядокъ Сената, какъ представляетъ его намъ Album города Канузія, въ 223-мъ году:

30 Patroni, CC VV. (id est, clarissimi viri).
2 Patroni, EE. QQ RR. (equites romani).
7 Quinquennalicii.
4 Allecti inter quinquennales.
22 Duumviralicii.
19 Aedilicii.
9 Questoricii.
21 Pedani.
34 Prætextati.

148.

Для дополненія представленнаго нами изображенія Италіи и областей, намъ остается объяснить принадлежности Императорскихъ Правителей и порядокъ управленія правосудіемъ. Намѣстники Императорскіе были опредѣляемы сна-

чала въ областяхъ, потомъ въ Италіи, и конституціи Константиновы показываютъ уже ихъ повсюду, не различая Италіи отъ областей. Только въ такомъ случаѣ, когда городъ имѣлъ свое собственное судейство, его отношенія къ Правителю были особенныя и болѣе благопріятныя. Раздѣленіе гражданскаго управленія и воинской власти было главнымъ основаніемъ Константиновой конституціи. Но Юстиніанъ, въ концѣ своего царствованія, соединилъ обѣ части въ рукахъ однихъ и тѣхъ-же чиновниковъ. Гражданское управленіе принадлежало намѣстнику, именовавшемуся: rector, judex, judex ordinarius. Было три рода такихъ намѣстниковъ: consulares, correctores и præsides. Они различались между собою важностью и обширностью областей, имъ ввѣренныхъ, но полномочіе ихъ было всюду одинаково. Военная власть, подъ надзоромъ высшихъ чиновниковъ: magistri militum, ввѣрена была чиновникамъ низшимъ: duces, изъ коихъ многіе именовались еще: comites. Сіи чиновники не вовсе удалены были отъ судопроизводства. Они судили уголовныя дѣла, когда преступникъ былъ воинъ, и гражданскія дѣла, когда одинъ изъ тяжущихся служилъ въ воинскихъ рядахъ, а другой согласенъ былъ судиться по военнымъ законамъ.

Послѣ всего сказаннаго нами, легко изложить систему судебнаго устройства. Обозримъ сна-

чала судопроизводство вольное. Въ Италіи, и въ привиллегированныхъ городахъ, первую инстанцію составляли судьи; апелляцію Правитель (*). Въ областяхъ Правитель имѣлъ власть судопроизводства первой инстанціи, до половины IV вѣка; въ это время Правители замѣнены, въ качествѣ судей, Защитниками городовъ. Впрочемъ, форма процессовъ не измѣнялась послѣ древней Республики, и система всегда была одинаковая. Судья велъ судъ, установлялъ: какое изъ основаній Право долженствовало быть приложено къ дѣлу, и давалъ условное рѣшеніе. Тогда, одинъ изъ частныхъ людей, для сего назначенный (judex), разбиралъ тяжбу, разсматривалъ сущность ея, и сіе разсмотрѣніе сводилъ съ ученымъ основаніемъ, даннымъ судьею; все это вмѣстѣ составляло судъ относительный. Такая система суда называлась ordo judiciorum privatorum, а все утвержденное судьею, въ чемъ не участвовалъ judex, производилось extra ordinem. Подобное судопроизводство было въ Римѣ и въ муниципальныхъ городахъ. Но при Императорахъ, нѣкоторыя дѣла были производимы судьями такъ, что judex въ нихъ не участвовалъ (extraordinariæ

(*) Впрочемъ, Правитель составлялъ первую инстанцію для особъ привиллегированныхъ, и для дѣлъ, возвышавшихся до извѣстной суммы, которая впрочемъ намъ неизвѣстна.

cognitiones). Наконецъ, Діоклитіанъ совершенно уничтожилъ прежнюю систему: Правители сами рѣшали всѣ дѣла, и judex былъ призываемъ по исключенію, когда накоплялось много тяжебъ; Юстиніанъ говоритъ уже рѣшительно, что въ его время институція прежней системы суда не существовала. Не трудно понять, какимъ образомъ въ Римѣ двухъ Преторовъ достаточно было для всѣхъ тяжебъ Римлянъ и чужестранцовъ: judex при каждомъ дѣлѣ дѣлалъ это возможнымъ. Какимъ-же образомъ могло доставать судей, когда Діоклитіанъ уничтожилъ это званіе? Еще въ древней Республикѣ, Преторы имѣли при себѣ юрисконсультовъ, съ коими совѣтовались, особливо, когда самъ судья не занимался приготовительнымъ изученіемъ законовѣдѣнія. Императоры, обращавшіеся къ юрисконсультамъ во всѣхъ дѣлахъ государства, вскорѣ принуждены были образовать изъ нихъ родъ коллегій (consistorium auditorium), отправлявшихъ дѣла всѣхъ родовъ, и дававшихъ рѣшенія на всѣ вопросы о Правахъ, переносимые на рѣшеніе Императора. Отъ Императоровъ институція сошла къ Намѣстникамъ, имѣвшимъ также свои коллегіи ассессоровъ. Такимъ образомъ рѣшали дѣла почти такъ-же, какъ въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ, съ тою разницею, что опредѣленіе всегда зависѣло отъ воли Президента. Судьи въ муниципалахъ, Защитники въ областныхъ городахъ, долженство-

вали подражать Правителямъ, judex замѣнился декуріонами, и курія сдѣлалась мѣстомъ отправленія правосудія.

Судопроизводство *вольное* обнимало два различные рода дѣлъ: торжественные акты Древняго Права (legis actiones) и акты новѣйшихъ формъ. Къ первымъ относились vindiciæ, со всѣми ихъ приложеніями, увольненіями, принятіями, освобожденіями, что составляло систему высшаго Права, предоставленную Судьямъ Римскаго народа, на что судьи муниципальные и Защитники не имѣли ни малѣйшаго права. Что касалось до актовъ новѣйшей формы, они образовались со временъ Императоровъ. Тогда начали, въ дѣлахъ всякаго рода, составлять протоколы передъ публичною властью (gesta, acta). Сіи протоколы сдѣлались даже необходимы въ случаѣ даровъ, составленія духовныхъ и ихъ раскрытія. Такіе акты производились передъ Правителемъ области; но часто, для облегченія тѣхъ, кого они касались, позволяли составленіе ихъ при куріяхъ. По одной изъ конституцій Гонорія протоколы долженствовали считаться законными, если при ихъ составѣ находился судья, три principales и одинъ exceptor. Гдѣ не было Судей, Защитникъ присутствовалъ при составленіи актовъ, о коемъ можемъ мы имѣть понятіе весьма ясное, по документамъ, дошедшимъ до насъ. Принимавшій участіе въ актѣ, являлся лично, и

протоколъ былъ не что иное, какъ разговоръ его съ судьею.

Таковыми являются намъ институціи Римской Имперіи, когда она клонилась къ паденію. Приложимъ къ нимъ институціи и Права ея побѣдителей и повелителей, варваровъ.

Когда Готѳы, Бургундцы, Франки и Лонгобарды основали свои новыя государства, они могли располагать побѣжденными Римлянами различнымъ образомъ, могли по выбору, или истреблять Римлянъ, или оставлять имъ жизнь, на условіяхъ новыхъ, принудивъ принять нравы и законы побѣдителей; но варвары не дѣлали ни того, ни другаго. Многіе изъ Римлянъ были изгнаны, погублены или обращены въ рабство; систематическое-же разрушеніе цѣлаго народа никогда не было намѣреніемъ варваровъ: два народа, смѣшиваясь на земляхъ, соблюдали свои нравы и свои законы, и тогда-то Право Гражданское представило противоположность законовъ о лицахъ съ законами о земляхъ. Мы, новѣйшіе, беремъ въ основаніе, что Право установляется землею: жить въ какой-либо странѣ, значитъ подчинять ея законодательству свою собственность и гражданскія отношенія; отличіе гражданина отъ иностранца у насъ слабо, и туземное происхожденіе имѣетъ вліяніе небольшое. Иначе было въ Среднія Времена. Въ одной странѣ, въ одномъ городѣ, Лонгобардъ повиновался законамъ Лонго-

бардскимъ, Римлянинъ Римскому Праву; тоже различіе было между другими Германскими народами: Франкъ, Бургундецъ, Готоъ жили въ одномъ мѣстѣ, подчиненные различнымъ Правамъ, и симъ изъясняется то, что Епископъ Агобардъ писалъ къ Людовику Простодушному: «Часто «бываетъ, что изъ пяти, вмѣстѣ соединенныхъ «человѣкъ, даже двое не подлежатъ одинакому «закону.»

Но сіе личное Право, долженствовавшее быть слѣдствіемъ не случая, а необходимости, когда начало оно первенствовать? Монтескьё говоритъ (*), что «основаніе личныхъ законовъ существовало у варваровъ, прежде нежели они двинулись съ своихъ основныхъ жилищъ,» и что «сіе основаніе законовъ перенесли они въ покоренныя ими земли.» Онъ приписываетъ это любви варваровъ къ независимости и свободѣ. Странно приписывать такія слѣдствія такимъ причинамъ! Что Германецъ, живущій въ чуждомъ народѣ, желалъ быть судимъ по Праву отечественному, это понятно; но какъ чуждый ему народъ могъ быть принужденъ къ исполненію его желанія? Это непонятно вовсе. Предположимъ даже терпимость со стороны сего народа: тутъ найдемъ только наклонность къ гостепріимству, а не любовь къ независимости; впрочемъ, какъ при-

(*) Esprit de lois, XXVIII, гл. 11.

весть это въ практику? Если Готѳъ жилъ между Бургундцами, кто могъ отправлять для него правосудіе по законамъ Готѳскимъ? Конечно, не сами Бургундцы, ибо они не знали чуждаго закона. Готѳы? Но какимъ образомъ въ чуждой землѣ соединить для сего достаточное число Готѳовъ? Надобно обратиться къ понятіямъ болѣе правдоподобнымъ. Личное Право долженствовало сдѣлаться необходимымъ и возможнымъ, только при столкновеніи народовъ-побѣдителей съ побѣжденными Римлянами; оно долженствовало явиться только въ новыхъ государствахъ, основанныхъ варварами на Римскихъ земляхъ. Отъ того смѣшались законы варваровъ и Римское Право, явилось новое законодательство. При началѣ завоеваній, самые Германцы, внѣ ихъ поколѣній и внѣ Имперіи, не были судимы по своему Праву; но въ послѣдствіи, когда варвары сразились одни съ другими, побѣдители позволяли побѣжденнымъ, во всемъ пространствѣ своихъ владѣній, жить по ихъ собственнымъ законамъ, какъ позволено было это Римлянамъ. Такимъ образомъ, на Сѣверѣ Галліи, при началѣ владычества Франковъ, только Франкскій законъ и Право Римское были принимаемы; но при наслѣдникахъ Карла Великаго мы видимъ Права Визи-Готѳовъ, Бургундцовъ, Аллемановъ, Баварцовъ и Саксоновъ введенными во все государство, и если мы не должны присовокуплять къ сему исчисленію Права

Лонгобардскаго, то единственно потому, что Италія никогда не была областью Франкской монархіи.

Такимъ образомъ, во всѣ эпохи завоеванія, такъже какъ и въ бѣшенствѣ первыхъ варварскихъ нашествій, при всей гордости тяжкаго владычества побѣдителей, Право Римское основалось и существовало: неоспоримыя историческія доказательства это подтверждаютъ. У Франковъ, законъ Салическій, древнѣйшій по своему составленію всѣхъ другихъ варварскихъ законовъ, установивъ цѣну за убійство, различаетъ только два рода людей: Франковъ и другихъ Германцовъ, и Римлянъ. Законъ Рипуерскій, не столь древній, предполагаетъ, напротивъ, на ряду съ закономъ Франковъ, Право Бургундцовъ и *Аллеманновъ*. Въ Италіи, во время владычества Королей Лонгобардскихъ, было предписано нотаріямъ писать акты, или по закону Лонгобардскому, или по закону Римскому. Ясно, что тогда Право Римское играло важную роль *Права Лицъ*, когда, въ тоже время, Право Германское, сильное мечемъ побѣдителей, простирая свое владычество на чужеземцовъ, было истиннымъ Правомъ Земель.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

КИРГИЗЪ-КАЙСАКЪ.

Первая глава изъ романа.

«Сереженька! Сереженька! милочка! что?» —Ма! отвѣчалъ Сережа.—«Что, *ма*, другъ мой?»— Му!—«Ну, вотъ что еще! *ма*, *му*! душенька!» И молодая Княжна расцѣловала розовыя щечки своего маленькаго двоюроднаго брата.—Посмотрите, сударыня, сказала няня, какъ онъ читаетъ. —«Ты читаешь, Сереженька! читаешь? Прочитай что нибудь!» Няня, съ простосердечною улыбкою, такъ хорошо выражающею у всѣхъ женщинъ ихъ непритворное чувство любви къ младенцамъ, взяла съ окна какую-то исписанную бумагу и положила предъ Сережею, который, сидя на столѣ какъ Турецкій Паша, придвинулъ бумагу къ согнутымъ ножкамъ, и, съ важнымъ видомъ, похлопывая по оной правою рученкою, началъ выговаривать: ма, ба, та, бамъ, бу и проч., что и было по видимому похоже на чтеніе Алкорана. «Славно, мой дружечекъ, прекрасно!» говорила Княжна, прихватывая своими розовыми губками нѣжные пальчики младенца. «Да что это за бумага?» спросила она у няни. —Не знаю, сударыня. Третьяго дня, когда я ходила на Ох-

шу, что подняла на Набережной. « Не нужная-ли, надобно посмотрѣть, » сказала Княжна, принимая полуизмятую бумагу у малюпки. Есть повѣрье, что младенцы имѣютъ даръ предчувствія и, подобно всѣмъ благотворнымъ геніямъ, силятся предостеречь отъ поступковъ, могущихъ имѣть худыя послѣдствія. Не мудрено! Если каждое живущее существо имѣетъ своего Ангела-Хранителя, то около непорочнаго младенца долженъ быть цѣлый сонмъ сихъ небесныхъ витателей, исполненныхъ любви къ созданію общаго Творца. Сережа, мальчикъ кроткій и веселый, вдругъ разупрямился, ухватился обѣими рученками за бумагу, и громкимъ плачемъ оказывалъ свое неудовольствіе. Если-бы ты могла, прелестная Софія! угадать это невнятное предзнаменованіе, то въ минуту успокоила-бы своего любимца, отдавши ему пагубную бумагу, которая къ вечеру была-бы измята, изорвана, и ты не узнала-бы содержанія оной. Но, видно злой рокъ управляетъ иногда родомъ смертныхъ, и не рѣдко самые невинные поступки бываютъ первымъ шагомъ къ бѣдствіямъ. Прекрасная Княжна велѣла нянѣ успокоить младенца, и давши ему въ утѣшеніе театральную афишу, побѣжала въ свою комнату. Женское любопытство непостижимо! Самое сопротивленіе Сережи какъ будто подстрекнуло Княжну, и исписанная бумага, о коей она и не думала нѣсколько ми-

путь ихъ назадъ, сдѣлалась для нея столь-же важною, какъ древняя рукопись для Археолога. Эти три листа почтовой бумаги, сшитые голубымъ шелкомъ, могли быть не иное что, какъ отрывокъ изъ сочиненія какого нибудь ученика, на заданную тему. Легко могло статься, что Софія нашла-бы въ немъ столько-же смысла, сколько заключалось онаго въ чтеніи Сережи. Но нѣкоторое тайное предчувствіе дѣлало сію рукопись драгоцѣнною для рѣзвой и пылкой осмнадцатилѣтней дѣвушки. Непремѣнно должно узнать, что тутъ написано! Съ симъ рѣшеніемъ, Княжна заперла дверь своей комнаты и начала разбирать курьозный манускриптъ. Это было партикулярное письмо. Сверху, у самаго обрѣза бумаги, было что-то написано, но малютка оборвалъ это и Софія нашла только: ...*ля*, 18.... Почеркъ былъ очень красивый и чрезвычайно мѣлкій. Любопытной красавицѣ удалось разобрать письмо, и вотъ что она прочитала:

«Теперь, amice, я смѣло могу сказать, что знаю свое отечество. Два мѣсяца живу я въ представительницѣ онаго. Кто бывалъ въ Парижѣ, тотъ знаетъ и Францію и Французовъ. Москва, находящаяся въ центрѣ Россіи, есть рѣшительно панорама нашего обширнаго царства. Скажу болѣе: ее можно сравнить съ архивомъ, въ коемъ хранятся драгоцѣнные акты

преобразованія, учиненнаго однимъ изъ величайшихъ людей. Мановеніемъ своей мощной десницы, безсмертный Петръ заставилъ Россію содѣлать скачекъ отъ младенчества къ зрѣлому возрасту. Иностранецъ, прочитавшій Олеарія и посѣтившій наше отечество въ настоящее время, едва будетъ вѣрить глазамъ своимъ. Неужели это тотъ самый край, который Сюлли, не болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ, исключалъ изъ списка Европейскихъ державъ, при составленіи проэкта о вѣчномъ мирѣ? Неужели обитатели сей Гиперборейской страны, суть тѣ самые *Московиты*, съ коихъ Монтескье приказывалъ сдирать кожу, затѣмъ, чтобы заставить ихъ что либо почувствовать? Другъ Классикъ! Брось любимыя твои превращенія давно умершаго Овидія! Не восхищайся болѣе этими нелѣпыми описаніями разжалованія бѣдныхъ Нимфъ въ медвѣдицы, или болтливыхъ дѣвушекъ въ сороки. Пріѣзжай въ Москву! Ты увидишь такую метаморфозу нравственнаго міра, которая не вымышлена и гораздо чудеснѣе всѣхъ превращеній стараго волокиты Юпитера. Мы, родившіеся и взросшіе въ Петербургѣ, мы, вытвердившіе наизусть Исторію Карамзина, не имѣемъ понятія о древней или, лучше сказать, о недавней Россіи. Разъѣзжая по красивымъ улицамъ нашего любезнаго Петербурга, мы только можемъ благодарить Великаго Петра за его подвигъ, но о

преждебывшемъ мы столько-же имѣемъ понятія по преданіямъ, сколько Археологи имѣютъ онаго о давно исчезнувшихъ народахъ. Въ Москвѣ найдешь ты уцѣлѣвшія prisci ævi vestigia. Въ Москвѣ, добренькая старина какъ будто сидитъ подлѣ новаго исполина, который опершись о вѣчные льды сѣвера, командуетъ всѣмъ міромъ. Здѣсь сравни Россію XVII столѣтія съ настоящею, и ты почувствуешь... Но я право самъ не знаю что пишу! Въ мысляхъ моихъ такой хаосъ... дай отдохнуть.

«Не дивлюсь тому, любезный Филаретъ, что Байронъ, безпокойный и ничѣмъ недоволный, обрыскалъ почти весь свѣтъ, между тѣмъ какъ счастіе, за коимъ мы всѣ гоняемся, можно приобрѣсти и подъ тѣмъ зенитомъ, подъ которымъ мы получили жизнь. Байрону хотѣлось, по собственному его признанію, пересмотрѣть всѣ страницы великой книги, называемой міромъ. Едвали я самъ не мучимъ такимъ-же демономъ. Съ малыхъ лѣтъ досадовалъ я на то, что могъ на картѣ Россіи провести карандашемъ длинную черту по мѣстамъ, мною объѣханнымъ, о которыхъ я понятія не имѣю. Четырехлѣтній младенецъ, везомый зимою на быстроногихъ почтовыхъ лошадяхъ, конечно былъ тамъ и тамъ, но что-же онъ видѣлъ? По моему мнѣнію, *быть* гдѣ нибудь, значитъ увидѣть и сдѣлать свои

замѣчанія. И такъ теперь я въ первый разъ, въ Москвѣ, вижу и наблюдаю коренную матушку Россію. Чужіе краи мнѣ знакомы! Посмотримъ, посравнимъ, а ты не поскучай моимъ описаніемъ своего, вновь видѣннаго.

« Не знаю почему, я чрезвычайно люблю степи, въ которыхъ никогда не бывалъ во дни нравственнаго моего бытія. Равнины нашего отечества, по увѣреніямъ путешественниковъ, точно уподобляются пустынямъ, въ особенности зимою. Но я видѣлъ только Бѣлоруссію и Остзейскія провинціи, и то лѣтомъ. Свѣтлый Эмбахъ, струящійся по зеленымъ лугамъ, не могъ мнѣ дать понятія о безводныхъ, ковылемъ поросшихъ берегахъ Чернаго моря, или объ окрестностяхъ гордаго Кавказа. Хваленая Саксонская Швейцарія наводила на меня уныніе. Эти мрачныя скалы, эти стѣсненныя долины, похожи на большія дороги Бѣлорусскихъ губерній, обсаженныя вѣтвистыми березами. Ѣдешь, ѣдешь, все одно и тоже видишь! Куда ни обратишь взоры, вездѣ препона, какъ тюремная стѣна. Плодоносныя и обработанныя поля Германіи отзываются ничтожностью рода человѣческаго. Все размѣрено, все размежевано, все показываетъ ограниченность гордаго царя земли, этого существа, по созданіи коего Богъ опочилъ отъ трудовъ своихъ. Люди, какъ стая голодныхъ волковъ, грызутся въ раздѣленіи единственной сво-

ей добычи, прекрасной планеты, все въ угодность ихъ производящей. Математическими размежеваніями стараются они означить свою собственность, какъ будто въ напоминовеніе тѣсной, могильной собственности, которая есть неизбѣжный удѣлъ всѣхъ живущихъ. Властелинъ природы! Я чту тебя, какъ послѣднее и лучшее твореніе Вѣчной Премудрости. Но ты мнѣ жалокъ, въ заклепахъ твоего просвѣщенія, твоей общественной жизни, твоихъ безпрестанныхъ нуждъ и въ стѣсненномъ невольническомъ твоемъ быту! Я не узнаю твоего первобытнаго состоянія! Сжатые города образованныхъ націй, душные кабинеты мудрецовъ и ученыхъ, какъ будто служатъ посмѣяніемъ для крикливыхъ стай галокъ и воронъ, свободно летающихъ по воздуху, надъ ними суетными и скучными витаніями разумныхъ тварей!... Не разсердись, угрюмый мой другъ просвѣщенія! Закрой лежащую предъ тобою книгу, милый Филарешъ! и прочитай терпѣливо мечтанія мои. Я родился и воспитанъ въ Петербургѣ. Я посвященъ въ таинства условнаго образованія Европейскихъ народовъ. Я привыкъ жить въ обществѣ. Слѣдовательно, всѣ мои помышленія, чувства мои, должны носить отпечатокъ сихъ привычекъ. Но выходитъ противное! Весьма часто въ сновидѣніяхъ моихъ я вижу какую-то необозримую степь, какихъ-то дикихъ сыновъ природы, мчащихся на

бодрыхъ коняхъ; я слышу ихъ напѣвы, какъ будто мнѣ знакомые, я любуюсь на безчисленныя стада, бродящія по сему зеленому травяному морю, и, повѣришь-ли?... когда въ ясную лѣтнюю ночь я въ задумчивости гляжу на звѣздное небо, мнѣ кажется, что это та самая мечтательная степь, усѣянная бѣловолнистыми овцами; мнѣ кажется, что это небо я видѣлъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ оно сливалось съ неизмѣримою земною равниною, подобно тому, какъ для мореходца оно сливается съ поверхностью океана. Кстати о морѣ! Я хотѣлъ поплавать на кораблѣ, поноситься какъ на крыльяхъ, по зыбкимъ валамъ пространной стихіи: но когда я осмотрѣлъ узкія каюты, тѣсные переходы, множество напутанныхъ веревокъ, которыя подобно паутинѣ заграждаютъ видъ свѣтлаго неба и обширнаго моря, то все очарованіе мое исчезло. Я увидѣлъ, что на кораблѣ буду также невольникомъ! Нѣтъ! мнѣ хотѣлось-бы, какъ Бедуину, пожить на безопасномъ материкѣ, въ необозримой степи, вдали отъ городовъ, отъ скучныхъ обществъ, отъ упомишельныхъ приличій, отъ несносныхъ ученыхъ препій, отъ суетныхъ заботъ, и отъ жалкаго разсчитыванія пространства и времени, раздѣленныхъ на милліоны дробныхъ частей у просвѣщенныхъ народовъ, между тѣмъ какъ дикіе пользуются ими гуртомъ, безъ дѣленія!... Отъ чего это происходитъ? Увы!

Я не нахожу другой причины, кромѣ непостоянства человѣческаго! Великолѣпный Князь Тавриды, сидя за пышнымъ столомъ, приказывалъ подать себѣ тарелку солдатскихъ щей и кусокъ провіантскаго хлѣба; человѣкъ, утомленный удовольствіями жизни, съ завистью смотритъ на рѣзвую толпу мальчиковъ, уволенныхъ отъ ученія и веселыми скачками и криками изъявляющихъ невинную свою радость! Пресыщеніе есть удѣлъ всѣхъ смертныхъ! Я родился въ пышной столицѣ, жилъ всегда въ богатомъ домѣ, давнымъ давно ознакомился съ удовольствіями столичной жизни; сладости наукъ и просвѣщенія знакомы мнѣ не по слухамъ; мудрено-ли, что душа моя, ненасытимая такъ какъ и у всѣхъ другихъ, сдѣлалась равнодушною ко всѣмъ этимъ благамъ жизни, и жаждетъ какихъ нибудь другихъ наслажденій? Она, можетъ быть, чувствуетъ, что младенческій бытъ рода человѣческаго вполнѣ удовлетворилъ-бы ея желанію. Отъ этого мнѣ тѣсно, душно въ городахъ, и я завидую птицамъ, летающимъ по поднебесью. Словомъ, я люблю степи и равнины, такъ-же какъ Швейцарецъ любитъ родимыя горы.

« Но, смотри пожалуй, въ какія унылыя разсужденія пустился твой веселый, беззаботный другъ? Поправлюсь!... Несясь въ коляскѣ по прекрасному шоссе, выѣхали мы наконецъ изъ Всесвятскаго, и тутъ въ первый разъ въ моей

жизни исполнилось пламенное желаніе видѣть степь. Вообрази себѣ необозримую, зеленѣющуюся равнину, занимающую ровно полкруга небосклона: по ней, какъ лента, тянется гладкая дорога; рощицы и лѣсочки теряются въ дальности; куполы церквей и шпили колоколенъ мелькаютъ на горизонтѣ. Это Москва! Это миніатюрное изображеніе обширной равнины, составляющей мою родину! Этотъ городъ, разбросанный на такомъ пространствѣ, какого не занимаетъ ни одна столица Европейскихъ державъ, какъ будто кучею упалъ съ неба и разсыпался на прекрасной равнинѣ. Изъ оконъ моего кабинета видно почти все за-Москворѣчіе и нѣсколько кварталовъ прилежащихъ къ рѣкѣ, болѣе пятидесяти церквей и монастырей, и нѣсколько тысячъ домовъ разной вышины, что производитъ пріятнѣйшее разнообразіе! Видъ прелестный, который какъ будто кажетъ образованную степь! Посмѣйся надъ этимъ выраженіемъ степолюбителя!... А право, какъ хочешь! Петербургъ похожъ на красивые, величественные строи Гвардейскаго Корпуса въ парадѣ. Москва уподобляется безчисленной ордѣ Чингисъ-Хана, въ безпорядкѣ отдыхающей на степяхъ за-Уральскихъ. Улицы здѣсь такъ длинны, такъ растянуты, а гостепріимство и ожиданія посѣщеній во всѣхъ концахъ города такъ радушны, такъ непринужденны, что я всякій день совершаю путеше-

сивія, стоящія переѣзда съ одной станціи на другую. Третьяго дня я вынужденъ былъ изъ Лаферповской часпи ѣхапь на Дѣвичье поле. Мнѣ казалось, что я проѣхалъ цѣлое Германское княжество. Для Нѣмца или для Француза, сто миль очень дальній путь; Рускій считаетъ за бездѣлицу проѣхать это разстояніе, и въ три дни поспѣваетъ отсюда въ Петербургъ. Такъ и въ Москвѣ, которую я называю представительницею Россіи. Десять верстъ въ одинъ конецъ не значитъ ничего, ни для лошадей, ни для сѣдока. Сначала затрудняли меня адресы на письмахъ. Въ такомъ-то приходѣ, въ такомъ-то переулкѣ! Я насилу разбиралъ! У насъ въ Петербургѣ части и кварталы, здѣсь церкви означаютъ куда должно ѣхать. Названія улицъ очень смѣшны; напримѣръ: *Болвановка*, *Шаболовка*, *Плющиха*, *Козиха*, *Зацѣпа*, *Балчугъ*; все это что-то старинное, опзывающееся владычествомъ Татаръ и невзыскательностію древнихъ обычаевъ. Проѣзжай въ полдень мимо Кремля: экипажи Посланниковъ и Генераловъ какъ будто догоняютъ одинъ другой; красивыя коляски, въ коихъ сидятъ разряженныя дамы, мчатся по дурной, пескомъ усыпанной мостовой; со всѣхъ сторонъ слышишь громогласное: *пади!* Толпы пѣшеходовъ пѣснятся и перебѣгаютъ черезъ улицы между экипажами. Проѣзжай оттуда на Тверской бульваръ, пе-

спрѣющійся прелестными группами цвѣтовъ: тысячи шляпокъ, мундировъ, модныхъ фраковъ, мелькаютъ въ прекрасной аллеѣ. Смѣло можно сказать, что теперь ни одинъ городъ въ мірѣ такъ не оживленъ, какъ древняя столица. А погода, прелесть! не позавидуешь и небу Авзоніи. Заверни только отъ булевара на право, за Земляной валъ, котораго и слѣдовъ нѣтъ: по видимому ты попалъ въ другой городъ. Искривленные переулки и закоулки, деревянные домы съ садиками и садами, на улицахъ безмолвіе и пустота; рѣдко, рѣдко услышишь стукъ дрожекъ или напѣвъ разнощика, продающаго свѣжіе огурцы, которыхъ запахъ я такъ люблю, потому что онъ напоминаетъ лѣто; пѣтухи поютъ со всѣхъ сторонъ и даже слышишь кавканье индѣекъ и кваканье утокъ, потому что въ этихъ кварталахъ живутъ, какъ въ деревняхъ, полнымъ хозяйствомъ. Выѣзжай за заставу: поле, степь, пустыня, въ двухъ верстахъ отъ небольшой площади, на коей, въ столицѣ просвѣщенной націи, собраны представители всѣхъ Европейскихъ государствъ. *Да, батюшка, едва найдется гдѣ столица, какъ Москва!....* Вся эта смѣсь стараго съ новымъ очень меня веселитъ: и обычаи, и строеніе, все это отмѣнное отъ Европейскаго и намъ родное, можетъ занять не только меня, беззаботнаго, но и величайшаго изъ наблюдателей современныхъ нравовъ, если найдется та-

кой. Генералъ былъ такъ милостивъ, что далъ намъ полную свободу гулять; лишь кончился разводъ, мы скачемъ во всю прыть, въ разныя стороны, а дѣлами занимается нашъ суетливый Андрей. Когда мы возвратимся въ Петербургъ, спроси у него, что онъ видѣлъ въ Москвѣ? Вѣрно скажетъ: «Когда мнѣ было смотрѣть! я не выходилъ изъ канцеляріи; дѣлъ милліоны!» Подумаешь, что онъ рѣшалъ судьбу царствъ! Чудакъ, а предобрый человѣкъ!....»

Вдругъ заслучала ручка замка, и Софія, вскочивши со стула поспѣшно, отперла дверь. Въ комнату вошла Графиня Рѣшимова, хозяйка дома и родная тетка Княжны. «Что это значитъ, Sophie? Чѣмъ ты занимаешься такъ секретно?— Я... ничего, отвѣчала закраснѣвшись прелестная Софія: я читала бумагу, которую няня подняла на улицѣ. — «Что за бумага?» — Не знаю! Вѣроятно журнальная статья, или отрывокъ изъ какого нибудь романа.—«Покажи!» Княжна подала письмо и устыдясь своего перваго лживаго поступка, потому что она очень хорошо знала, что эта рукопись не была назначена для журнала, начала общипывать засохшія листья съ цвѣтовъ, украшавшихъ окна ея комнаты, подходила къ форпеньяно, наигрывала что-то на послѣдней октавѣ, разглядывала давно знакомые ей эстампы, развѣшенные по стѣнамъ, словомъ, была въ какомъ-то разсѣяніи, сама не зная отъ

чего. Тѣмъ временемъ, дородная Графиня, усѣвшись въ кресла и держа правою рукою лорнетъ передъ глазами, внимательно читала таинственную бумагу. Графиня Рѣшимова, меньшая сестра покойной матери Княжны Софіи, воспитала свою племянницу, лишившуюся родительницы на седьмомъ году своего возраста. Графиня была тиха и добра, но тѣмъ не меньше благоразумна и осторожна. Она знала, какимъ искушеніямъ подвержена бываетъ молодая наслѣдница огромнѣйшаго имѣнія. Рачительно надзирая за своею племянницею, Графиня не употребляла той строгости, внушенной предусмотрительностью, которая научаетъ молодыхъ дѣвицъ противоположной предусмотрительности, а именно хитростямъ и уловкамъ въ дѣлахъ, касающихся ихъ юнаго сердца. Софья во всемъ вѣрила своей доброй теткѣ, а сія никогда не оскорбляла ее подозрѣніями, замѣчаніями и всѣми подобными маневрами надзорщицъ, преданныхъ ревнивымъ Итальянскимъ или Испанскимъ опекунамъ. «Нѣтъ,» сказала Графиня, по прочтеніи письма, «это не журнальная статья, а формальное признаніе въ любви.» — Кому? спросила Софья закраснѣвшись? — «Тебѣ. Да! тутъ съ пламеннымъ восторгомъ говорятъ о Княжнѣ Софьѣ Павловнѣ Любской! Развѣ есть какая нибудь другая? Только, примѣты твои очень вѣрно описаны.» — Возможно-ли! Я даже не знаю, кто это писалъ. —

« Я также не знаю. Но послушай, милая! тебѣ не должно скрываться отъ меня. Скажи чистосердечно, какъ попалась въ твои руки эта бумага? » — Увѣряю васъ всѣмъ, что для меня свято, отвѣчала Софья сквозь слезы, что я даже не дочитала этого письма, которое отняла у Сереженьки. Желала-бы я знать, кто осмѣлился это написать — прибавила она нахмурившись и протянувши губки, съ видомъ сильной досады.— « Не сердись, ma chère, » сказала протяжно Графиня, трепля ее по розовой щечкѣ. « Я тебѣ вѣрю. Дочитывай, если хочешь, эту пустую бумагу. Только поскорѣе; уже пора обѣдать. Графъ сію минуту пріѣдетъ. » Съ сими словами Графиня встала съ креселъ, и, переваливаясь на обѣ стороны, вышла изъ комнаты. Слезы прелестной Княжны въ минуту высохли. При тетенькѣ должно было обидѣться признаніемъ въ любви незнакомаго мужчины, а безъ тетеньки можно и полюбопытствовать! Это еще первое любовное объясненіе! Какъ не узнать, въ какихъ выраженіяхъ оно написано, и кѣмъ писано? О! это можно угадать! У осмнадцатилѣтней дѣвушки довольно ума на подобныя догадки. Софья поспѣшно перевернула листъ и продолжала чтеніе.

« Но оставимъ нашу канцелярію, и будемъ продолжать разсказъ о матушкѣ Москвѣ. Здѣш-

нее гостепріимство въ полномъ смыслѣ отзывается простотою древнихъ обычаевъ, коихъ слѣды уже давно исчезли въ Европѣ, а у насъ еще доселѣ сохранились. Просвѣщеніе, вещь прекрасная, милый другъ! Но не подумай, чтобы оно за собою влекло одно лучшее, и повѣрь, что дурное не отстаетъ отъ этого божества, столь много чтимаго и превозносимаго. Взрослый человѣкъ не согласится быть опять младенцемъ, но признайся, что пріятно видѣть въ мужѣ опытномъ и образованномъ нѣкоторыя черты прелестныхъ дѣтскихъ лѣтъ! Человѣкъ, о коемъ можно сказать, что онъ по сердцу своему настоящее дитя, въ моихъ глазахъ есть человѣкъ безцѣнный. Не толи-же бываетъ и съ народами? Идемъ впередъ, впередъ, распіемъ, зрѣемъ, дѣлаемся умнѣе и опытнѣе, а все какъ-то радуемся, когда гдѣ замѣтимъ слѣды первоначальнаго и кореннаго быта! Необычайный успѣхъ романовъ Валтеръ Скотта есть ясное доказательство, что родъ человѣческій съ удовольствіемъ воспоминаетъ о своемъ младенчествѣ. Что описывалъ знаменитый Шотландскій романистъ? По большей части обычаи, которые давно уже истребились и которыхъ никто не захочетъ возобновить. Въ моихъ глазахъ, и Москва похожа на романъ Валтеръ Скотта. Я недавно ѣздилъ въ Коломенское, и съ умиленіемъ глядѣлъ на каменныя кресла церковной паперти,

на коихъ послѣ обѣдни отдыхалъ добрый Русскій Царь Алексѣй Михайловичъ. Мнѣ казалось, что я вижу его, съ окладистою бородою, въ широкой богатой ризѣ, разговаривающаго съ своими боярами. Въ воображеніи моемъ представлялся и малолѣтный Петръ, беззаботно смотрящій на Москву и на окрестныя поля, и никакъ не помышляющій о исполинскомъ шагѣ, который онъ со временемъ заставитъ сдѣлать свое обширное Царство... Опять пустился въ мечтанія!... Виноватъ! Обратимся къ Ѳедосьѣ Андреевнѣ.

« По пріѣздѣ въ Москву, я, какъ водится, остановился въ домѣ, приготовленномъ для нашего Штаба. На другой день я поѣхалъ къ почтенной старушкѣ. Боже мой, какъ она разсердилась! Осыпала меня упреками, почему я прямо не въѣхалъ въ ея домъ; увѣряла, что стыдно мнѣ, ея любимцу, сыну ея двоюродной сестры, котораго она маленькаго носила на рукахъ, такъ мало заботиться о *родныхъ*, и думать, что въ ихъ домѣ нѣтъ ни пріюта, ни довольства. Эти укоризны живо напомнили мнѣ все, доселѣ слышанное о Московскомъ гостепріимствѣ. Nolens volens, я исполнилъ желаніе названной моей тетушки и переселился въ ея домъ, гдѣ по видимому меня хотятъ окормить. По обязанности службы я долженъ часто, или лучше сказать, всякій день у кого нибудь обѣдать. А у тетушки, дворецкій безпрестанно меня спрашиваетъ,

что я прикажу изготовить къ обѣду, и Ѳедосья Андреевна изволитъ гнѣваться, что я не хочу раздѣлить съ нею хлѣба-соли. Извиняюсь, какъ могу! За то уже мой Николашка какъ будто въ рай попалъ! Я даже боюсь, чтобы его не опоили чаемъ и кофе. Иванъ ѣздитъ со мною за коляскою, а прозванный тобою: *Милостивѣйшій Государь Николай Никифоровичъ*, остается дома безъ всякаго дѣла. Даже мундиры мои и сапоги чистятъ другіе, и его важная обязанность состоитъ единственно въ пристегиваніи эполетовъ и развѣшиваніи аксельбанта. Онъ уже снялъ военную ливрею, и нарядился въ синій фракъ. Недавно встрѣтилъ я его съ цвѣточкомъ въ петлицѣ и въ узорчато-вышитой манишкѣ. «Гдѣ ты это взялъ?» спросилъ я. — Дѣвушки подарили—отвѣчалъ онъ съ самодовольною улыбкою. Желаю дальнѣйшихъ успѣховъ и радуюсь его радости! Да! кстати объ успѣхахъ!... Много было намъ наполковано о прелестныхъ Московскихъ барышняхъ (такъ называютъ ихъ здѣсь до сихъ поръ), а я, опытъявленный волокита, признаюсь, что не нашелъ въ нихъ ничего хорошаго. По моему мнѣнію, онѣ очень глупы, именно отъ того, что слишкомъ умны. Это не парадоксъ, милый Филаретъ!... Всѣ эти *барышни* прекрасно говорятъ по-Французски, танцуютъ какъ Истомина, играютъ на фортепьяно какъ Мейеръ, рисуютъ какъ Дезарно, ну, словомъ, талантовъ ихъ не перечтешь!

Одного только не достаетъ: таланта нравиться и завлекать нашу братью мужчинъ! Въ Варшавѣ, напримѣръ, прелестныя *панны* не имѣютъ никакой надобности выдерживать экзаменъ въ образованности. Онѣ плѣняютъ такими средствами, такими уловками, которыя знакомятъ обожателя прекраснаго пола и съ Армидами и съ Эвхарисами. Въ Москвѣ совсѣмъ не то. Мнѣ кажется, что чинность двора Людовика XIV-го и преціозность гостиной прекрасной Артенисы, поселились въ нашей древней столицѣ. И теперь лежитъ передъ моими глазами записка, на Французскомъ языкѣ, отъ одной родственницы здѣшняго дома, также барышни. Содержаніе этого посланьица таково, что взятыхъ у меня книгъ не возвращаютъ за тѣмъ, чтобы я завтра самъ за ними пріѣхалъ, и къ одолженію прекраснымъ сочиненіемъ прибавилъ одолженіе моего присутствія на цѣлый день. Просто сказать: меня зовутъ обѣдать. И все это написано самымъ лучшимъ Французскимъ языкомъ, прекрасною молодою дѣвицею. Умно, любезно: въ этомъ должно сознаться; но все что-то отзывается свѣтскимъ жеманствомъ. C'est recherché! То-ли дѣло въ Варшавѣ! Тамъ, бывало, при отсылкѣ нотъ или книгъ, получишь записочку на лоскуткѣ бумаги въ шестнадцатую долю, запечатанномъ розовою облаткою. Ни правописаніе, ни правила Французскаго языка не соблюдены, но въ замѣнъ

того, въ концѣ маленькой странички, выставлено: tournez, т. е. оборони, а на оборотѣ найдешь очаровательныя слова: Demain après la *messe* nous irons nous *promené* au Jardin de *saqse*. Засимъ: votre... и нѣсколько точекъ; тамъ заглавныя буквы прелестнаго имени!... Такую записочку расцѣлуешь! И можешъ-ли все утонченное искусство будуарной Риторики сравнишься съ этимъ ловкимъ и простымъ назначеніемъ мѣста свиданія? И какія-же наслажденія приносили эти невинные rendez-vous? Пожатіе миленькой ручки, страстный взглядъ, пустой, но пріятный разговоръ, словомъ, всѣ безвредныя сладости тайныхъ свиданій Софьи Павловны съ Молчалинымъ! A propos! Я здѣсь также нашелъ Софью Павловну, по имени, для которой охотно сдѣлался-бы Чацкимъ. Представь себѣ прелестное, милое твореніе, семнадцати или осмнадцати лѣтъ, съ кругленькимъ личикомъ, какъ у кошечки, съ волосами, которымъ позавидовалъ-бы самъ Фебъ, съ голубыми глазами, которые сверкаютъ какъ два сапфира, и которые по видимому внушили злобной Шиллеровой Турандотѣ ея прекрасную загадку. Прибавь къ тому необычайный умъ, дѣтскую веселость и ангельскую привязанность къ малюшкамъ!... Если-бы это плѣнительное существо имѣло душу пламенную, способную любить, то вся гордая половина рода человѣческаго преклонила-бы колѣна предъ нею. Мнѣ кажется, что

она не изъ Москвы, а изъ очаровательной Варшавы! И подлинно, окончаніе ея фамиліи на—*ская* не означаетъ-ли въ ней Польскаго происхожденія, подобно тому, какъ мое Азіятское лицо, можетъ быпь, доказываетъ лучше всякой родословной, что я происхожу отъ одного изъ отважныхъ сопутниковъ Батыя? Ты спросишь: не влюбленъ-ли я? Разумѣется! Есть-ли въ цѣломъ мірѣ такой уголокъ, гдѣ я не нашелъ-бы предмета своей любви! Впрочемъ, будь спокоенъ. Я даже ни слова не говорилъ съ Княжною Любскою. Видѣлъ ее на домашнихъ вечеринкахъ, и только однажды, на балѣ у Сардинскаго Посланника былъ избранъ ею въ котильонѣ; повальсировалъ, подержалъ правою рукою ея гибкій станъ, вдивалъ въ себя ея сладостное дыханіе, наслаждался пріятнымъ запахомъ ея помады, вотъ и все!... Она меня не замѣтила, но я отыскалъ ее среди тысячь красавицъ, я узналъ ее, благодаря моему зоркому глазу!... Мой другъ! я не влюбленъ, но... долженъ открыть тебѣ одну тайну моего сердца. У насъ въ домѣ есть пятнадцатилѣтній мальчикъ, мой пѣзка, съ маленькою, остроконечною рожицею, совершенно похожею на старинныя куньи мордки. Я люблю дѣтей и подружился съ нимъ на другой день нашего знакомства. Не рѣдко любуюсь я изъ окна, когда рѣзвый мой пріятель няньчитъ въ садикѣ двухлѣтнюю Машу. Но съ тѣхъ поръ, какъ я замѣ-

шилъ, что Викторушка бѣлокуръ, что у него глаза небеснаго цвѣта, что онъ любитъ младенцовъ... мнѣ показалось, что онъ съ родни моей идеальной Софьѣ! Я привязался къ милому отроку, и воображаю, что это *она*, переодѣтая въ мальчика. Мнѣ пріятно цѣловать его, пріятно разговаривать съ нимъ, какъ будто-бы онъ былъ повѣреннымъ ея сердечныхъ тайнъ; а впрочемъ, я спокоенъ... Тоска, мученія, томленія бываютъ признаками страсти. Истинная, чистая любовь сопровождается невинными наслажденіями!... Но, пора кончить! Вотъ тебѣ длинное посланіе въ замѣнъ двухмѣсячнаго молчанія. Я ѣду въ театръ, полюбоваться талантами Щепкина и Рязанцова. Желаю веселиться, и не забывать твоего В. С.»

Лишь только Княжна окончила чтеніе, какъ горничная доложила ей, что уже пошли кушать. Софьѣ было не до обѣда!... Не смотря на то, она съ веселымъ видомъ побѣжала въ столовую.

В. У.

СТОНЪ ЦЕРЕРЫ.

(Изъ Шиллера).

Не весна-ль привѣтно вѣетъ
Надъ воскресшею землей?
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ,
Нѣтъ одежды ледяной.
Ясность Зевса отражаетъ
Въ голубомъ стеклѣ потокъ,
Съ юной жатвой шамъ играетъ
Легкокрылый вѣтерокъ.
Пробудилось въ рощахъ пѣнье,
Ореады слышанъ гласъ:
Тщетно злаковъ оживленье,
Дочь твоя мертва для насъ.

Долго я мечтѣ внимала:
На землѣ найдешь, ищи!!
Тщетно вслѣдъ за ней услала
Всѣ Титановы лучи.
Ни одинъ сквозь мракъ глубокій
Не проникъ въ ея предѣлъ.
День всезрящъ; но свѣтлоокій,
Онъ погибшей не нашелъ.
Зевсъ-ли хищникъ Прозерпины?
Иль красой ея плѣнёнъ,
Къ брегу Орковой пучины,
Въ мракъ умчалъ ее Плутонъ?

Кто-жь ей вѣстникомъ сердечной
Будетъ горести моей?
Челнъ отъ брега мчится вѣчно,
Но уноситъ лишь тѣней.
Взоръ блаженный къ той долинѣ
Отъ вѣковъ не проницалъ,
И въ клубящейся пучинѣ
Жизни Стиксъ не отражалъ.
Тмы ступеней сводятъ къ ночи,
Ни одна не возвратитъ;
Слезъ ея никто предъ очи
Скорбной матери не мчитъ.

Матерь Пиррина колѣна,
Жертва смерти, золъ и бѣдъ,
Не дерзаетъ-ли, сожженна,
За любимымъ чадомъ въ слѣдъ?
Лишь блаженнымъ воспрещаетъ
Брегъ свой мрачная рѣка,
Божества лишь не караетъ
Парки грозная рука.
О, низриньте, погрузите
Въ вѣчный мракъ меня съ небесъ!
Какъ богиню, не щадите
Жертву материнскихъ слезъ!

Я туда сойду, гдѣ мрачной
Тронъ съ супругомъ въ муку ей;
Съ тѣньми тѣнію прозрачной
Я предстану передъ ней.
Ахъ! отъ слезъ потухшимъ взоромъ
Тщетно день она зоветъ;

За далекимъ звѣзднымъ хоромъ
Взоръ на матерь не падетъ.
Но наступитъ часъ свиданья:
Съ грудью грудь сольетъ восторгъ,
И восплачетъ, сострадая
Полонъ, самъ суровый Оркъ.

Тщетный стонъ! Мечта пустая!
Той-же катится стезей
Колесница дня златая,
Недвижимъ Олимпъ надъ ней.
Отъ печальной той темницы
Отвратилъ Зевесъ свой зракъ.
Невозвратна для денницы
Разъ умчанная во мракъ!
Прежде темный брегъ Аида
Ликъ Авроры озаритъ,
Провозвѣстница-жь Ирида
Свѣтлой радугой Коцитъ.

Что-же, что съ береговъ изгнанья
Сильно матери принесть,
Какъ залогъ воспоминанья,
Сердца любящаго вѣсть?
Иль межь матерью и дщерью
Узы прерваны на вѣкъ?
Иль Аидъ той страшной дверью
Смерти съ жизнью связь пресѣкъ?
Нѣтъ! Исчезла не безъ слѣда
Изъ очей моихъ она!
Нѣтъ! отрадная бесѣда
Намъ предвѣчными дана!

Сходитъ осень; буря съ свистомъ
Все дыханіемъ мертвитъ;
Блекнетъ листъ въ цвѣткѣ душистомъ,
Грустно кустъ нагой стоитъ.
Рогъ Вертумна я вскрываю;
Взявъ златое тамъ зерно,
Въ жертву Стиксу обрекаю
Жизни тайное звѣно;
Погружаю скорбно въ землю,
Къ сердцу дочери — и пусть
Скажетъ дочерь: въ немъ пріемлю
Я любовь твою и грусть!

Вотъ, какъ гостья, вновь слетаетъ
На крылахъ Часовъ Весна,
Поцѣлуемъ пробуждаетъ
Фебъ Природу отъ сна,
И зародышъ, погруженный
Хладной персти въ глубины,
Пылко рвется въ обновленный,
Лучезарный храмъ Весны.
Стебель всходитъ къ солнцу міра,
Корень робко въ мракъ бѣжитъ;
Сила Стикса и Эѳира
Съединяясь ихъ хранитъ.

Частью къ смерти проникая,
Частью къ жизни возносясь,
Онъ мнѣ вѣсть изъ дальня края,
Отъ Коцита сладкій гласъ!
Пустъ зародышъ въ царство тѣней,
Въ бездну мрака погружонъ;

Въ юной отрасли весенней
Слышанъ мнѣ отрадный стонъ,
Что вдали златаго свѣта,
Тамъ, гдѣ сумрачный Аидъ,
Все любовью грудь согрѣта,
Сердце къ *милымъ* все летитъ.

Зеленѣйте-жъ, процвѣшайте,
Чада юные луговъ!
Пышный вѣнчикъ напояйте
Чистымъ нектаромъ боговъ!
Я лучами изукрашу,
Я Иридиной дугой
Расцвѣчу одежду вашу,
Какъ Авроры ликъ младой.
На пиру земномъ весною
И въ осеннюю грозу,
Да раздѣлитъ всякъ со мною
И восторгъ мой и слезу.

Колачевскій.

ГОЛОСЪ МАТЕРИ СЪ ТОГО СВѢТА.

(Посвящено памяти А. П. Н—в—р—в—ой).

Сынъ.

Гдѣ ты, гдѣ ты, моя родная?
Увижу-ль я когда тебя?
Ты, можетъ, въ небесахъ, святая:
Дай мнѣ хоть шамъ обнять себя!

Матъ.

Что просишь ты? Я ввѣкъ съ тобою:
Тебя дыханіемъ живить,
Тебя воздушной пеленою
И свѣтомъ солнечнымъ даритъ,
Слетать на душу упованьемъ,
Будить безсмертья голосъ въ ней,
Лобзать природы лобызаньемъ,
То Вышній заповѣдалъ *ей!*

Сынъ.

Тебя, вѣщавшую, не знаю,
Твой голосъ непонятенъ мнѣ;
Я мать родную призываю,
Чей взоръ свѣтилъ мнѣ на землѣ!
Она въ моихъ объятьяхъ нѣжныхъ
Давно-ль, давно-ль еще была. . .
Въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ заботъ мятежныхъ,
Ее младую смерть взяла!

Мать.

Безумецъ ты! я не умѣю
Тѣлеснымъ словомъ отвѣчать;
Еще ты въ тѣлѣ, я не смѣю
Сей тайный узелъ развязать:
Его развяжешь, но не нынѣ.
Мнѣ непонятенъ стонъ людей!
Что̀ мнѣ ты говоришь о сынѣ?
Я мать безчисленныхъ дѣтей:
Рождаю ихъ, въ нихъ существую,
И возраждаюсь смертью ихъ!

Сынъ

Что̀ съ *ней?* Увижу-ль я родную?

Мать.

Не постигаешь тайнъ земныхъ,
И что-жь? О тайнахъ—чьихъ? не знаю,
Какъ мнѣ назвать Его?... дерзнешь
Ты вопрошать? Я умолкаю...
Знай: самъ ты въ *немъ*, во *мнѣ* живешь.

М. Лихонинъ.

КЪ XII-му ГОДУ.

Двенадесятый годъ! могу-ль тебя забыть!
Огнемъ и кровію написана картина
Войны за право: *быть или не быть!*
Бородино, великихъ дѣлъ долина,
На памятныхъ листахъ временъ блистаешь ты:
Твой воздухъ—дымъ, твой лѣсъ—изъ стали
Былъ въ страшный день. Тамъ пышно расцвѣтали
Геройскихъ подвиговъ цвѣты
Вождя, плѣнителя могущей Эривани,
Который собралъ лавръ и золотыя дани,
Востокъ Полночи покоря,
Молебенъ пѣлъ подъ шѣнью Арарата,
И знамя Русскаго Царя
Возвѣялъ на челѣ священнаго Эвфрата.

Ѳедоръ Глинка.

— Сочиненія Ѳ. Булгарина. 10 частей. 1827 и 1828 годовъ.

— Иванъ Выжигинъ. 4 части, 1829 г. *два изданія.*

Въ кабинетахъ, въ гостиныхъ, на биржѣ, въ городахъ, въ деревняхъ, въ цѣлой Россіи Сочиненія Г-на Булгарина, и особенно Иванъ Выжигинъ, составляютъ предметъ разговоровъ. Просвѣщенные и невѣжды, умные и неразумные, дамы, старики, офицеры, купцы, чиновники, даже дѣвушки и дѣти толкуютъ о Булгаринѣ, о его успѣхахъ литературныхъ. Разговоры о Иванѣ Выжигинѣ составляютъ приправу холодныхъ визитовъ, скучныхъ посѣщеній, столкновеній дѣловыхъ людей и сборищъ за сытными обѣдами. Все это показываетъ, во первыхъ, что сочиненія Г-на Булгарина читаются во всей Русской Россіи, во вторыхъ, что они обращаютъ на себя общее вниманіе, и наконецъ, въ третьихъ, что намъ пора вымолвить нѣсколько словъ отъ себя, о семъ достопримѣчательномъ явленіи. Тѣмъ необходимѣе это, что сколько ни прислушивались мы къ разнороднымъ сужденіямъ, сколько ни старались, сообразивъ для себя чужія впечатлѣнія, опредѣлить общее мнѣніе, успѣхъ нашъ въ семъ случаѣ ограничивается слѣдующимъ: *всѣ* читаютъ сочиненія Булгарина, и всѣ спрашиваютъ другъ у друга, отъ чего Писатель сей имѣетъ столь огромный успѣхъ? Эта неопредѣленность приговора даетъ поводъ журналисту услужить читающей публикѣ своимъ мнѣніемъ, ибо кто-же болѣе дѣятельнаго издателя журнала знаетъ зага-

дочное существо, называемое публикою, и понимаетъ литтературныя пружины разнохарактерныхъ мнѣній? Кто съ такимъ усердіемъ и безкорыстіемъ объяснитъ публикѣ собственныя ея впечатлѣнія? По крайней мѣрѣ мы постараемся исполнить свою обязанность какъ можно искреннѣе и основательнѣе.

Кажется, мы не сказали лишняго, назвавъ успѣхъ Г-на Булгарина огромнымъ, необыкновеннымъ. Противъ несогласнаго съ симъ, можемъ представить въ свидѣтели всю Россію. Книги которыя въ мѣсяцъ распродаются тысячами экземпляровъ, становятся предметомъ разговоровъ всюду, у всѣхъ, и вызываютъ отчаянныя нападенія въ нѣкоторыхъ журналахъ, эти книги, несомнѣнно имѣютъ успѣхъ огромный. Дѣло неоспоримое: Сочиненія Г-на Булгарина и его Иванъ Выжигинъ удостоились сего успѣха.

Успѣхъ есть не иное что, какъ побѣда, одержанная надъ противящеюся силою. Умный секретарь одерживаетъ побѣду надъ властію своего начальника и надъ затрудненіями его должности; Наполеонъ побѣждаетъ непріятелей Франціи и овладѣваетъ всѣми умами и силами; медикъ схватываетъ разрушительную силу смерти и прогоняетъ ее изъ груди своего паціента. Обо всѣхъ этихъ людяхъ говорятъ, что они имѣли успѣхъ. Какія противоборствующія силы долженъ побѣдить Русскій писатель?

Кругъ нашей читающей публики весьма ограниченъ. Повѣрятъ-ли, что при великомъ множествѣ образованныхъ людей, у насъ успѣхъ лучшей кни-

ги ограничивается тысячью или не болѣе какъ полуторою тысячью читателей, разумѣя здѣсь однихъ покупающихъ книги? Это большею частію люди средняго состоянія, молодое поколѣніе, отличающееся непреодолимою жадностью къ просвѣщенію. Одобреніемъ сихъ-то людей долженъ дорожить всякій Русскій писатель. Но мы на сей разъ не будемъ говорить о нихъ, а упомянемъ еще о тѣхъ читателяхъ, которыхъ можно назвать инвалидами, кандидатами, заднею шеренгою образованной публики. Это по большей части люди богатые, *времень Очаковскихъ и покоренья Крыма*, члены нѣкоторыхъ клубовъ, любители виста, псовой охоты и подобныхъ невинныхъ упражненій. Они когда-то и какъ-то выучились грамотѣ и употребляютъ это драгоцѣнное знаніе на дѣловыя письма, на подписаніе векселей, на сочиненіе просьбъ и объясненій въ Присутственныя мѣста, на чтеніе вывѣсокъ и значковъ, прибитыхъ къ домамъ, и прочія *существенныя* принадлежности жизни. Чтеніемъ книгъ они занимаются отъ нечего дѣлать, отъ скуки, отъ невольнаго уединенія, когда должно быть дома: для этого у нихъ хранятся Академическій и Брюсовъ Календари, Московскія Вѣдомости, Левшина книги о Хозяйствѣ, и проч. Есть еще третій классъ читателей: это Русскіе Французы, воскормленные и возлелеянные на Французскихъ романахъ и на нѣкоторыхъ Французскихъ классикахъ, но не имѣющіе литературнаго образованія. Къ этому классу принадлежатъ дамы, юные стихотворчики и запис-

ные посѣтители театровъ, баловъ и публичныхъ гуляній.

При такомъ состояніи публики, дѣйствуя на однихъ просвѣщенныхъ людей, невозможно имѣть огромнаго успѣха. Надобно расшевелить задніе ряды читателей, пробудить отъ умственнаго сна псовыхъ охотниковъ и любителей виста, прожектёровъ, сутягъ, дамъ и законодательницъ баловъ и вечеровъ. Тогда имя писателя загремитъ по всей Россіи!... Но какъ дѣйствовать на нихъ? Они не заботятся о бѣдныхъ литтераторахъ, не покупаютъ ихъ сочиненій, и только изрѣдка обращаются къ знакомымъ своимъ съ жестокимъ словомъ: *почитать книжечку*. Къ нимъ доходятъ вѣсти о литтературныхъ событіяхъ черезъ просвѣщенный классъ, и слѣдовательно, прежде всего надобно побѣдить этотъ неугомонный народъ. Впрочемъ, тоже можно замѣтить вездѣ и во всемъ. Наполеонъ не долженъ-ли былъ покорить главные умы, дабы свободно дѣйствовать на массы? Не должно-ли во всякомъ обществѣ привлечь на свою сторону главныя лица, дабы повелѣвать всѣми? Новѣйшіе Философы справедливо говорятъ, что никакая власть не бываетъ насильственною; ей покоряются по волѣ: во власти Турецкаго деспота участвуетъ воля каждаго изъ его рабовъ. Перейдемъ отъ сего великолѣпнаго примѣненія къ автору, и къ автору Русскому. Онъ уже имѣетъ власть надъ своими читателями, если покорилъ ихъ вниманіе и заставилъ читать. Кажется, стоило-бы всѣмъ читателямъ согласиться забыть о немъ, и не видать его книгъ; но это для нихъ невозможно. Они

уже работники, они подданные его; они сами вручили ему жезлъ повелительства надъ ними и не могутъ освободиться отъ его власти. Въ этой покорности участвуютъ даже тѣ, которые думаютъ быть его противниками.

Послѣ всего сказаннаго нами, ясно, что Г-нъ Булгаринъ долженъ былъ привлечь къ себѣ вниманіе просвѣщенной части нашей публики, передавшей извѣстность его всѣмъ, кто слыхалъ о книгахъ, ибо огромный успѣхъ въ Россіи есть уже слѣдствіе: онъ бываетъ только отраженіемъ побѣды надъ немногими законодателями литературными. Спорить противъ этого невозможно; принявъ-же сіе положеніе, мы можемъ объяснить себѣ малый успѣхъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ писателей Русскихъ, неоцѣненныхъ въ свое время присяжными судьями, и слѣдственно не имѣвшихъ извѣстности въ толпѣ, ибо люди обыкновенные слишкомъ лѣнивы, безпечны и всего менѣе любятъ дѣйствовать своимъ умомъ, своими силами. Но единожды утвердившись въ какомъ-либо мнѣніи, они съ трудомъ оставляютъ оное. Такъ довѣренность къ уважаемому, любимому автору обращается у нихъ въ суевѣрное идолопоклонство: они невидятъ въ немъ уже никакихъ недостатковъ, и все, исходящее изъ подъ пера его, кажется имъ ознаменованнымъ печатью таланта.

Теперь мы должны заняться главнымъ предметомъ нашей задачи: дѣйствительно-ли заслуженнымъ успѣхомъ пользуется разсматриваемый нами Авторъ, и что̀ причиною сего успѣха?

Мы могли-бы сослаться на сказанное выше сего, что успѣхи не достаются да̀ромъ, что въ авто-

рѣ, покоряющемъ вниманіе публики, непремѣнно должны быть достоинства, ибо прежде всего онъ долженъ одержать побѣду надъ просвѣщенною частью публики; но мы хотимъ показать, въ чемъ именно состоятъ причина успѣховъ и сила Г-на Булгарина.

Надобно вспомнить, что въ то время, когда Писатель сей явился на поприщѣ Русской Литтературы (1821-й годъ), сія послѣдняя дремала въ совершенномъ бездѣйствіи. Карамзинъ отдѣлился отъ современныхъ писателей и шелъ своимъ путемъ; Батюшковъ не писалъ; Жуковскій также оставилъ прозу; Князь Вяземскій, писатель остроумный, одаренный талантомъ, не принималъ дѣятельнаго участія въ Словесности, и, по своему обыкновенію, ограничивался коротенькими, изрѣдка являвшимися въ журналахъ статейками; Ѳ. Н. Глинка остановился на Поэзіи; Москва, бывшая всегда сердцемъ Русской Литтературы, отдыхала послѣ Наполеоновыхъ громовъ и не показывала никакого знака Литтературной жизни. Удивительно-ли, что писатель, явившійся въ сіе время, съ умомъ, съ дѣятельностью, разгадавшій потребности своихъ читателей и посвятившій всего себя ихъ служенію, удивительно-ли, что онъ опередилъ почти всѣхъ своихъ сверстниковъ? Чего надобно было Русской публикѣ? Какой нибудь жизни, дѣятельности—только. Она рада была читать даже разсказы и возгласы Г-на Свиньина, въ послѣдствіи не умѣвшаго поддержать одобренія публики. Дѣятельность и новость взгляда, потому что тогда все было ново: вотъ два основныя начала успѣховъ Г-на Булгарина. Нынѣ его упрекаютъ въ односторон-

ности, въ повтореніи одного и того-же, но забываютъ, что за 8-мь лѣтъ это было для Русскихъ читателей совершенною новостью. Авторъ *Военной шутки* и *Модной лавки* все тотъ-же; онъ даже сталъ нынѣ гораздо совершеннѣе; но публика и требованія ея перемѣнились.

Не къ чести Русскихъ читателей, надобно сказать, что собраніе многихъ драгоцѣнныхъ статей, которыя Г-нъ Булгаринъ издавалъ въ видѣ періодическаго сочиненія, называвшагося Сѣвернымъ Архивомъ, не было оцѣнено по достоинству. Въ этомъ собраніи видѣли одно скучное. Впрочемъ и Издатель онаго былъ не правъ, вмѣсто журнала издававши сборникъ историческихъ и географическихъ актовъ. Онъ вскорѣ самъ увидѣлъ это и началъ дарить публику критическо-литтературными статейками, которыя имѣли успѣхъ необыкновенный, ибо казались явленіемъ новымъ. На слѣдующій, 1824-й годъ, у него не достало даже экземпляровъ Литтературныхъ Листковъ. Въ альманахахъ, родившихся почти въ тоже время, искали статей Г-на Булгарина. Въ журналахъ, издаваемыхъ симъ Писателемъ вмѣстѣ съ Г-мъ Гречемъ, статьи о нравахъ донынѣ составляютъ занимательнѣйшее для многихъ чтеніе. Но самъ Авторъ увидѣлъ, что пора ему перемѣнить свои сношенія съ публикою, ибо онъ уже увѣрилъ своихъ читателей, что занимать, веселить ихъ, у него достаетъ и ума, и таланта, и дѣятельности. Онъ написалъ романъ, и Выжигинъ раскупленъ былъ по одному объявленію, ибо судить по отрывкамъ о цѣломъ сочиненіи, разумѣется, было невозмож-

но. Знали *Булгарина*, и были увѣрены, что получатъ книгу достойную вниманія, любопытную, занимательную.

Да не упрекнутъ насъ, что мы не сказали еще своего мнѣнія объ истинномъ достоинствѣ Сочиненій Г-на Булгарина. Мы хотѣли прежде всего объяснить, почему Сочиненія сіи имѣютъ необыкновенный успѣхъ, и, кажется, объяснили это. При бездѣйствіи другихъ писателей, дѣятельность, умъ, наблюдательный духъ, вотъ всѣ причины успѣховъ Г-на Булгарина, вотъ всѣ его оружія! Онъ въ высокой степени гармонируетъ съ Русскими читателями; его статьи о нравахъ, его Выжигинъ, суть именно та умственная пища, какой требуетъ наша публика. Для нея Валтеръ Скоттъ несовершенно понятенъ и занимателенъ; описанія сего послѣдняго утомляютъ ее и наводятъ ей скуку. Напротивъ у Булгарина она понимаетъ все, видитъ въ его картинахъ своихъ друзей и враговъ, и не утомляется продолжительною нитью одной, мастерски выражаемой мысли.

У Автора Выжигина нить происшествій и завязка послѣднее дѣло; часто у него даже вовсе нѣтъ завязки. Онъ обращаетъ все вниманіе свое и читателей своихъ на отдѣльныя картины, желая ими выразить свою мысль и достигнуть цѣли. Мы говоримъ это о сочиненіяхъ его, извѣстныхъ подъ названіемъ *Нравовъ*. Но чего-же и требовать отъ сего рода сочиненій, какъ не мысли сатирической, нравственной, облеченной въ пріятную форму? У Стерна, Аддисона, Жуи, Поль де-Кока, находимъ тоже, ибо сей родъ сочиненій требуетъ того. Всѣ

упомянутые писатели часто берутъ даже какую-нибудь пословицу, или поговорку, и только примѣняютъ ее къ дѣлу, то есть развиваютъ мысль, всѣмъ знакомую, передъ всѣми находящуюся, но глядятъ на нее по своему. Объяснимся подробнѣе.

Сатирическія описанія нравовъ родились въ Англіи. Такъ и надлежало быть. Ранняя образованность и оригинальныя странности, нераздѣльныя съ характеромъ Британскихъ островитянъ, имѣютъ столь рѣзкое выраженіе, что люди, одаренные наблюдательнымъ, сатирическимъ умомъ, не могли не замѣтить сего. Въ наше время Жуи обновилъ сей родъ сочиненій во Франціи и породилъ многихъ подражателей. Честь и слава Г-ну Булгарину, что онъ первый рѣшился испытать силъ своихъ у насъ въ наблюденіи нравовъ. Успѣхъ увѣнчалъ его за сей подвигъ. Что-бы ни говорили противники его, но публика не могла не наградить сего Писателя полнымъ одобреніемъ. Всякое новое стремленіе должно увлекать се, и особенно если оно исполняется умно и дѣльно, ибо человѣкъ живетъ дѣятельностью: только она показываетъ ему собственное его достоинство, безъ словъ намекая на стремленіе къ совершенству. Умники наши недовольны наблюденіями Г-на Булгарина: пусть пишутъ лучше его! Зачѣмъ словесно доказывать то, что можно доказать на самомъ дѣлѣ! Но покуда не явился у насъ современный Жуи, Аддисонъ, мы будемъ утверждать, что лучше Булгарина у насъ никто не описывалъ Русскихъ нравовъ. Если у него находятся недостатки, то это ничего не доказываетъ: Булгаринъ человѣкъ. Говорятъ, что онъ

односторонень, повторяетъ всегда одно и тоже, и что всѣ его описанія правовъ кружатся вокругъ одной, общей всѣмъ аксіомы: *надобно дѣлать добро и избѣгать всего дурнаго.* Согласимся на минуту съ симъ обвиненіемъ и спросимъ: что-же это доказываетъ? Что таково направленіе ума Булгарина—только. Дѣло въ томъ, каково развиваетъ онъ свою *одну* мысль. Кажется, всякой согласится, что у Булгарина есть картины живыя, вѣрныя, выразительныя, и что вообще онъ облекаетъ ихъ прекраснымъ слогомъ. Но не говоря о слогѣ, который у него почти вездѣ хорошъ, указываемъ на статьи: *Модная лавка, Подписка на Журналы, Человѣкъ и Совѣсть, Хладнокровное путешествіе по гостинымъ, Сцена изъ частной жизни въ 2028 году* и *Чертополохъ*, гдѣ изобрѣтеніе и краски истинно мастерскія.

Историческія статьи Г-на Булгарина имѣютъ достоинство по оригинальности взгляда и разсказа, а это уже много значитъ тамъ, гдѣ пишутъ Гг-да Каченовскіе и Погодины, приводящіе читателя въ отчаяніе своимъ слогомъ и тономъ. И сего рода статьи Г-на Булгарина непремѣнно должны нравиться Русской публикѣ, ибо кромѣ Карамзина, едва-ли кто удачнѣе его писалъ историческіе отрывки.

Повѣсти и военные разсказы, по нашему мнѣнію составляютъ одну изъ лучшихъ, если не лучшую часть Сочиненій сего Писателя. *Военную жизнь, Ужасную ночь, Военную шутку*, и проч., можно прочитать много разъ, и всегда съ новымъ удовольствіемъ.

Мы не можемъ здѣсь исчислить всѣхъ статей, заключающихся въ Сочиненіяхъ Булгарина, ни показать относительнаго достоинства каждой изъ нихъ. Мы хотимъ только пояснить характеръ сочиненій Булгарина вообще, и, указавъ на нѣкоторыя подробности въ оныхъ, скажемъ, что мѣлкія сочиненія его, отличающіяся вкусомъ, увлекательнымъ разсказомъ и множествомъ пріятныхъ чертъ, должны были привлечь къ себѣ нашу публику, издавна отученную отъ пріятнаго чтенія. Послѣ сего успѣхъ Выжигина понятенъ, и намъ остается сказать о немъ свое мнѣніе.

Почти всѣ Гг-да критики, которыхъ было доселѣ двое (Вѣстнико-Европскій и Атенейскій), разбирая Выжигина, не находили въ немъ единства. Мы думаемъ совсѣмъ напротивъ, и не только не винимъ Автора за то, что онъ сокрылъ силлогизмъ своего романа, но поставляемъ ему сіе въ достоинство. Требовать отъ романа такого плана, такого единства, какіе разумѣютъ Гг. упомянутые критики, все равно что требовать Французскихъ единствъ отъ Драматической пьесы. Единство заключается не въ видимыхъ частяхъ сочиненія, но во внутренней мысли, оживляющей оное. Иначе жизнь человѣческая покажется намъ не имѣющею единства, связи и плана, хотя на дѣлѣ оказывается совсѣмъ другое. Слѣдственно, должно спросить: есть-ли въ Выжигинѣ одна, главная мысль, связывающая сіе созданіе? Мы находимъ, что основною мыслью Автора было представить бытъ средняго сословія Русскаго народа. Послѣ сего, онъ не могъ уже увлекаться вну-

шреннею жизнью своего героя, описывать его впечатлѣнія, и имѣть его, то есть нравственное существо среди волненій жизни, главною цѣлію. Онъ долженъ былъ изображать, и изображалъ, духъ, жизнь и наружность средняго состоянія, и только въ отношеніи къ оному все другое.

Вотъ единство Выжигина! Подобное сему мы находимъ въ превосходнѣйшихъ созданіяхъ: стóитъ вспомнить объ Ученыхъ женщинахъ, Мольера, о Донъ Кихотѣ, Сервантеса, о Горѣ отъ ума, Грибоѣдова, о Жилблазѣ, Лесажа. Неужели и въ сихъ безсмертныхъ твореніяхъ нѣтъ единства? Осязать его въ нихъ не льзя, потому что оно находится въ главной мысли, оживляющей каждое изъ сихъ сочиненій.

Но изобрѣтеніе, или такъ сказать основа, на коей Авторъ изобразилъ свою мысль, удовлетворяетъ-ли она требованіямъ Критики? Признаемся, что главная мысль, о коей мы упомянули, требовала большей простоты. Завязкѣ Выжигина, и слѣдственно ходу всего романа, удивительно какъ вредятъ скачки въ Киргизскую степь съ ея принадлежностями, въ Венецію, въ Перу, ибо здѣсь Авторъ забываетъ уже главную свою цѣль, и части сіи становятся несообразны съ цѣлымъ. Не игру судьбы, не интересъ завязки долженъ онъ былъ приводить въ дѣйствіе, а живую картину быта Русскаго. Въ семъ отношеніи мы многимъ недовольны въ Выжигинѣ. Все *чудесное* не кстати среди обыкновенныхъ явленій образованной жизни нашего времени.

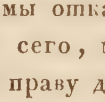
Главное, чѣмъ долженъ былъ дѣйствовать Авторъ: Русскій бытъ избраннаго имъ круга, изображенъ во многихъ частяхъ хорошо, но вообще неудовлетворительно. Авторъ не добрался до живаго, и часто задѣвалъ то, что уже умерло безъ уязвленій сатиры, или находится въ преклонной дряхлости, близкой къ смерти. Ему надлежало изображать не отжившихъ помѣщиковъ, не взяточниковъ-судей и исправниковъ, не душегубцевъ и картежниковъ, обыкновенно скрывающихся за кулисами общественнаго быта, но явно господствующіе пороки и злоупотребленія общества нашего, въ противоположности съ добромъ, котораго въ Россіи не меньше зла. Представьте намъ устарѣлыя, несовременныя понятія многихъ нашихъ ученыхъ, зависть, злобу и невѣжество, существующія во многихъ храмахъ просвѣщенія, представьте эгоистовъ—филантроповъ, либераловъ на словахъ, но мерзавцевъ въ домашнемъ и общественномъ быту, представьте глупую спесь, низость и невѣжество многихъ *благородныхъ*, уничиженіе *неблагородныхъ* классовъ народа, представьте намъ Скалозубовъ, Фамусовыхъ, Кожедраловыхъ, и вмѣстѣ изобразите мудрость законовъ нашихъ, благодѣянія Правительства, и наконецъ этотъ добрый, славный, умный Русскій народъ, достойный удивленія тамъ, гдѣ онъ является въ неподдѣльной красѣ своей. Вотъ матеріялы для Русскаго Лесажа! Вотъ неисчерпаемый источникъ картинъ разительныхъ, ужасныхъ, утѣшительныхъ. Русскій Жилблазъ непремѣнно долженъ представить намъ полупросвѣщенное общество, быстрыми шагами

стремящееся къ совершенству и благу, то есть картину добра и зла, гдѣ первое во всемъ беретъ преимущество. Напротивъ Выжигинъ изображаетъ частныя явленія, изъ коихъ многія отдѣланы прекрасно, но цѣль Автора не достигнута, ибо мы не видимъ нашего быта. Передъ глазами нашими какіе-то феномены добра и зла, а не основные характеры и господствующіе наши пороки и добродѣтели.

Кажется, никто не упрекнетъ насъ въ пристрастіи къ Г-ну Булгарину! Мы откровенно говоримъ ему всю правду.

Исполнилъ-ли ожиданія своихъ читателей Г-нъ Булгаринъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Онъ написалъ имъ сочиненіе, какого не было въ Русской Литтературѣ, и съ которымъ невозможно сравнивать попытокъ его предшественниковъ. Скажемъ въ заключеніе одну черту сего Писателя, составляющую главное его достоинство. Онъ всегда идетъ впереди нашей публики и угадываетъ ея требованія; потому-что Французскій богъ, dieu de l'à propos, всегда награждаетъ его успѣхомъ. Писателей можно раздѣлить на два рода: одни возвышаютъ публику до себя, другіе наклоняются до публики; Г. Булгаринъ несомнѣнно принадлежитъ къ послѣднему разряду. Можетъ быть это вредитъ его таланту, но вмѣстѣ и дѣлаетъ его любимцемъ публики. Наши словесные судьи говорятъ, что въ немъ мало современности: напротивъ, онъ совершенно въ современной Русской сферѣ. Не достигая высоты своихъ Европейскихъ собратій по Литтературѣ, онъ самый сильный изъ Русскихъ Литтерато-

ровъ. Публика наша едва досягаетъ до высоты Булгарина. Если-бы онъ поднялся еще выше, то наши читатели не увидали-бы его и онъ не производилъ-бы на нихъ впечатлѣнія. По крайней мѣрѣ не Русскимъ прозаикамъ оспоривать у него пальму первенства; отъ нихъ мы еще покуда въ ожиданіи, что есть ни при чемъ; онъ, напротивъ, дѣйствуетъ. Когда онъ сталъ привлекать къ себѣ всѣхъ читателей своими описаніями нравовъ, то пигмеи наши закричали: «Старо! дурно!» Но уже успѣхъ его былъ совершенный. Теперь явился Выжигинъ, и опять кричатъ: «Дурно!» Мы не вѣримъ этому! Говоримъ: «Въ Выжигинѣ много несовершеннаго, лишняго и недосказаннаго, но,» прибавляемъ: «это самое громкое и блестящее явленіе въ современной намъ прозаической Словесности Русской, гдѣ всѣ спятъ спокойнымъ сномъ, и жалуются, когда пробудившись видятъ, что человѣкъ дѣятельный далеко ушелъ впередъ.» Укажите на кого нибудь изъ нынѣшнихъ Русскихъ прозаиковъ, равнаго достоинствомъ Булгарину, и мы откажемся отъ своего мнѣнія. Но въ ожиданіи сего, мы думаемъ, что сочиненія Булгарина по праву должны занимать почетное мѣсто. Что будетъ далѣе, увидимъ. Теперь, какъ слышно, готовится до десятка романовъ Русскихъ. Что-то еще заставитъ дѣлать своихъ возвышенныхъ критиковъ этотъ *односторонній* Г. Булгаринъ!



СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1829 года.

— *Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ*, Славянскихъ и Россійскихъ, хранящихся въ Библіотекѣ Тайнаго Совѣтника, Сенатора, Двора Его Императорскаго Величества Дѣйствительнаго Камергера и Кавалера Графа Ѳедора Андреевича Толстова. Издалъ Павелъ Строевъ, Императорской Академіи Наукъ Корреспондентъ и путешествующій Археографъ, Членъ разныхъ ученыхъ Обществъ и Кавалеръ. *Съ 24-мя гравированными изображеніями шрифтовъ.* М. въ т. Селивановскаго. 1829. XXIV и 592 стр. in 8.

Нужно-ли повторять читателямъ нашимъ извѣстіе о существованіи знаменитой Библіотеки Графа Толстаго? Мы не одинъ разъ имѣли случай писать объ оной. Нынѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаемъ о выходѣ въ свѣтъ любопытной и важной книги, составленной Г-мъ Строевымъ. Онъ исполнилъ свое дѣло какъ знатокъ и мастеръ. Въ хронологическомъ порядкѣ описаны имъ всѣ (сколько можно понять изъ Предисловія) до 1727 года напечатанныя церковными буквами и находящіяся въ Библіотекѣ Гр. Толстаго книги. Изъ позднѣйшихъ означены самыя рѣдкія. Помѣще-

ны книги и гражданской печати, изданныя въ 1708 и 1726 годахъ. При описаніи книгъ, Г-нъ Строевъ выставлялъ заглавія вполнѣ; упоминалъ объ имени автора, издателя или типографщика, если оно находится не на заглавномъ листкѣ; означалъ число листовъ и страницъ и типографскую помѣту по тетрадямъ; описывалъ изображенія, заставки, чертежи, ноты и проч. Заимствуемъ изъ Предисловія Г-на Строева означеніе драгоцѣннѣйшихъ печатныхъ памятниковъ, хранящихся въ Библіотекѣ Графа Толстаго: «Первое мѣсто неоспоримо занимаютъ здѣсь: *Часословъ* и двѣ *Тріоди*, напеч. въ Краковѣ 1491 года, и *Псалтирь Слѣдованная*, въ Цетинѣ 1495: единственные экземпляры, доселѣ извѣстные. Также нѣтъ нигдѣ столь полнаго и хорошо сбереженнаго собранія 22-хъ книгъ Св. Писанія (Ветхаго Завѣта), изд. Докторомъ *Франциском*ъ *Скориною*, въ Прагѣ 1517—1519 г.; его-же *Апостолъ* и *Канонникъ*, напеч. въ Вильнѣ 1525. Къ симъ весьма рѣдкимъ и древнѣйшимъ памятникамъ Славянскаго книгопечатанія, можно причислить: *Апостолъ* Угровлахійскій (безъ выхода) и *Катихизисъ*, напеч. въ Несвижѣ 1562 года—книги не менѣе рѣдкія.

«Московскихъ изданій (церковной печати) въ нашемъ книгохранилищѣ 77. Рѣдчайшія изъ нихъ: *Апостолъ* (первопечатный) 1564, *Тріодь постная* 1592, *Апостолъ* 1597, *Минея Общая* 1600, *Служебникъ* 1602, *Тріодь Цвѣтная* 1604, *Апостолъ* (*)

(*) Напеч. при Лже-Димитріи. Выходные листы,

и *Евангеліе* 1606, *Тріодь Постная* и *Минея Служебная* 1607, *Минея Общая* 1609 и *Уставъ Церковный* 1610. Упомяну также: *Уложеніе* Царя Алексѣя Михайловича и *Ученіе ратнаго строенія* (съ полными рисунками) 1649, *Кормчую книгу* 1653, *Библію* 1663, *Жезлъ Правленія* 1666 и другіе.

«Львовскихъ изданій 20. Замѣчательны по рѣдкости: *Апостолъ* 1574, *Грамматика Еллино-Славянская* 1591, *О Священствѣ* 1614, *Октоихъ* 1630, *Евангеліе* 1636, *Апостолъ* 1639, *Анѳологіонъ* 1643, и др.

«Виленскихъ изданій 24. Изъ нихъ рѣдкія: *Евангеліе и Псалтирь* 1575, *Октоихъ* 1582, *Служебникъ* 1583, *Статутъ Литовскій* (*) 1586, *Апостолъ* 1591, *Псалтирь Слѣдованная* 1593, *Евангеліе Толковое* 1595, *О Антихристѣ* и *Грамматика Зизанія* 1596, *Апокрисисъ* 1597, *Евангеліе* 1600, и проч.

«Острожскихъ изданій только 10, но всѣ очень рѣдкія: *Новый Завѣтъ* 1580, *Библія* 1581, двѣ *книжицы* (противъ Уніатовъ) 1589 и 1598, *О Постничествѣ* 1594, *Маргаритъ* 1596, двѣ *Псалтири Слѣдованныя* 1598, *Лекарство на оспалый умыслъ* 1607 и *Никона Черногорца* 1640.

«Книги, изданныя иноками Виленскаго Свято-

въ экземплярахъ сего изданія, были (въ правленіе Царя Михаила Ѳеодоровича) истребляемы и *полныхъ* извѣстно доселѣ *три*. *Стр.*

(*) Сей книги извѣстно не болѣе *пяти* экземпляровъ, изъ коихъ только одинъ *полный*. *Стр.*

Духова монастыря, въ Евю (маетности Князей Огинскихъ), почитаются не менѣе рѣдкими. Ихъ 6: *Новый Завѣтъ* 1611, *Діоптра* 1612, *Анѳологіонъ* 1613, *Евангеліе Учительное* 1616, *Грамматика Смотрисскаго* 1619, и *Діоптра* 1642.

«Изобильно изданій Кіевскихъ (числомъ 50). Замѣтимъ: *Часословъ* (первопечатный) 1617, *Анѳологіонъ* 1619, два *Номоканона* 1620 и 1624, *Толкованіе на Апокалипсисъ* 1625, *Апостолъ* 1630, *Анѳологіонъ* 1636, *Евангеліе Учительное* 1637, *Служебникъ* 1639, *Ерхологіонъ* 1646, *Патерикъ Печерскій* 1661, и проч.

«Изданій Кутейнскаго монастыря (также рѣдкихъ) 6: *Часословъ* 1632, *Житіе Св. Варлаама и Іоасафа* 1637, *Трѳологіонъ* 1647, *Діоптра* 1651, *Лексиконъ П. Берынды* 1653 и *Діоптра* 1654. По переведеніи, Патр. Никономъ, тамошней типографіи въ Иверскій (Валдайскій) монастырь, напечатаны: *Рай мысленый* 1659 и *Брашно Духовное* 1661—книги нынѣ рѣдкія.

«Черниговскихъ изданій 17. Изъ нихъ *Перло многоцѣнное* 1646 неизвѣстно Библіографамъ. Могилевскихъ, *Максима Вощанки*, 5; Уневскаго монастыря типографіи столько-же. Нѣкоторыя примѣчательны.

«Во многихъ-ли книгохранилищахъ найдемъ: *Евангеліе Учительное*, напеч. въ Заблудовѣ 1569, *Служебникъ* въ Спрятинѣ 1604, *Евангеліе Учительное* въ Крилосѣ 1606, книгу *Ѳомы Кемпійскаго* въ Дельскомъ монастырѣ 1647, *Евангеліе Учительное* въ Рохмановѣ 1619, *Псалтирь* въ Четвертнѣ 1625?

Двѣ послѣднія книги суть произведенія *кочевой* типографіи.

«Изъ книгъ напечатанныхъ въ Западной Европѣ (нынѣ весьма рѣдкихъ), находятся: *Исповѣданіе вѣры* въ Римѣ, 1648; *Введеніе въ Исторію*, *Грамматика Латинская*, *Езоповы Притчи*, *Тактика Льва Мудраго* и *Морское Плаваніе*, всѣ пять изд. Иліею Копіевичемъ (*), въ Амстердамѣ, 1699–1701; *Символы и Емблемата*, тамъ-же, 1705; *Новый Завѣтъ*, въ Гагѣ, 1717 (**); *О истинномъ Христіанствѣ* и *Наставленіе Анастасія проповѣдника*, въ Галѣ, 1735; *Мѣсяцословъ* и *Исторія Сербіи*, въ Вѣнѣ, 1771 и 1793.

«Въ заключеніе упомяну о нѣсколькихъ книгахъ, изданныхъ (въ прошедшемъ столѣтіи) Уніатами и Старовѣрами, въ Почаевѣ (числомъ 4) и Супраслѣ (7). Примѣчательны также: *Апостолъ* напеч. въ Яссахъ 1791, и *Книга Исаака Сирина*, въ Нямецкомъ (Молдавскомъ) монастырѣ 1812.

(*) Сей молодой Бѣлоруссъ, бывшій Голландскимъ кандидатъ-пасторомъ, по повелѣнію Императора Петра Великаго, сочинялъ, переводилъ и печаталъ въ Амстердамѣ книги *для употребленія народа Русскаго*. *Стр.*

(**) Изданіе отмѣнно рѣдкое, на Голландскомъ языкѣ, къ коему, въ Санктпетербургѣ, припечатывали текстъ Славянской Библіи. Два экземпляра (очень чистые), находящіеся въ нашей Библіотекѣ, драгоцѣнны. *Стр.*

« Книги гражданской печати (*), изданныя при Императорѣ Петрѣ Великомъ, нынѣ вообще рѣдки. Въ нашей Библіотекѣ ихъ до 80. Нѣкоторыя пополнятъ собою Библіографическую роспись Сопикова и, за исключеніемъ очень немногихъ, всѣ экземпляры ихъ чисты.

« Единственное собраніе *Вѣдомостей* (Газетъ) 1703–1726 годовъ, нынѣ отмѣнно рѣдкихъ, и *Календарей* тогожъ періода (числомъ 13), довершаетъ библіографическое богатство Патріота-Собирателя. »

Отдавая полную справедливость тяжкому труду Г-на Строева, мы думаемъ, что почтенному Археографу должно было и ограничиться *своимъ дѣломъ*, а не входить въ философическія разсужденія о типографскомъ искусствѣ, которыя и неумѣстны и смѣшны. Полагая, что книгопечатаніе было источникомъ всяческаго просвѣщенія, онъ говоритъ между прочимъ : « Исторію *книготисне-*

(*) Начало *округленія* Славянскаго шрифта, по образцу Латинскаго, видимъ на заглавныхъ *листахъ* (грав. на мѣди) книгъ, изд. *Иліею Копіевичемъ*, въ Амстердамѣ (см. Описанія № 193, 196 и 200, и въ Палеогр. Снимк. Табл. XI, № 22). Первая книга *гражданской* печати вышла изъ Московской книгопечатни въ 1705 году. При вѣдомостяхъ 1710 г. Мая 31 приложенъ : « Реестръ книгамъ гражданскимъ, которые, по указу Царскаго Величества, напечатаны новоизобрѣтенною Амстердамскою азбукою, по 1 число іуня нынѣшняго 1710 году. » *Стр.*

нія можно, весьма справедливо, назвать картиною развитія умовъ народныхъ.» Кажется, лучше ее назвать картиною размноженія и улучшенія типографій. Далѣе у него сказано: «Одно искусство *типографіи* успокоило Церковь:» это и несправедливо и странно! Можно-ли вѣковые успѣхи просвѣщенія приписывать частной причинѣ? Не такъ-ли Гельвецій утверждалъ, будто все просвѣщеніе человѣческое происходитъ отъ того, что у людей на рукахъ пальцы, а не копыта! Но подобные взгляды на просвѣщеніе пора оставить! Мы беремся доказать Г-ну Строеву, по собственной его философіи, что главною причиною просвѣщенія былп — гусп; не меньше главною старыя тряпки, сажа, масло, и проч. и проч. Куда заведутъ насъ такія умствованія?

Замѣтимъ еще одну ошибку почтеннаго Археографа: онъ думаетъ, что въ типографскомъ дѣлѣ употребляются *металлическія буквы* (см. первыя строки его Предисловія). Донынѣ буквы дѣлаются изъ состава, или композиціи, которую не льзя назвать металломъ, ибо *металлъ есть тѣло простое.*

— *Словарь Нѣмецкой и Французской купеческой Юриспруденціи*, съ присовокупленіемъ въ алфавитномъ порядкѣ сокращеній, употребительныхъ въ языкахъ Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и Англійскомъ, составленный Михайломъ Переного. *Изданіе второе, исправленное и умноженное.* СПб. въ т. К. Крайя. 1829. IV и 228 стр. (въ 456 столбцахъ), in 16.

Извѣстно, что въ купеческихъ дѣлахъ приняты въ употребленіе весьма многіе особенные термины. Г. Пареного оказываетъ большую услугу изданіемъ Словаря, объясняющаго сей загадочный для многихъ языкъ. Это тѣмъ важнѣе, что большей части сихъ словъ, выраженій, сокращеній и знаковъ, не льзя найдти въ обыкновенныхъ словаряхъ языковъ. Изъясненія Г-на Пареного кратки и точны. Вообще трудъ его долженъ заслужишь одобреніе и сдѣлаться необходимою книгою для купеческихъ конторъ. Мы не понимаемъ одного: почему книга сія названа Словаремъ купеческой *Юриспруденціи*?

— *Подвигъ о терпѣніи.* Сочиненіе Преосвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго. М. въ т. Селивановскаго. 1829. 32 стр. in 8.

Московскій Попечительный о тюрьмахъ Комитетъ издалъ сіе пастырское разсужденіе, для раздачи онаго несчастнымъ, содержащимся въ тюрьмахъ. Подвигъ прекрасный и дѣлающій великую честь Комитету! Не льзя было избрать книги, болѣе приличной для назначаемой ей цѣли.

Роспись вещамъ, выставленнымъ въ первую публичную выставку Россійскихъ издѣлій, въ СПбургѣ, 1829 года. Съ приложеніемъ Высочайше утвержденныхъ правилъ оной выставки. СПб. въ т. Экспедиціи заготовл. Государств. бумагъ. 1829. — *Дополненіе къ росписи вещамъ*, представленнымъ въ первую публичную выставку 1829 года. Въ обѣихъ книжкахъ XV, 112, XVII и XXVI стр. in 8.

Благая мысль просвѣщеннаго Правительства приведена въ исполненіе самымъ блестящимъ образомъ! Выставка Россійскихъ издѣлій въ С.Петербургѣ изумила посѣтителей богатствомъ, разнообразіемъ и изяществомъ предметовъ! Полагая, что читатели наши знаютъ уже цѣль, средства и подробности исполненія сего мудраго предпріятія, мы не будемъ распространяться въ описаніи того, что много мѣсяцовъ было предметомъ общихъ разговоровъ и о чемъ мы уже писали въ прошедшемъ году. Въ книжкѣ, о которой объявляемъ нынѣ, помѣщены слѣдующія статьи: — Высочайше *утвержденныя правила объ устройствѣ выставки Россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій.* — *Имена Членовъ Комитета выставки.* — *Предувѣдомленіе* (гдѣ описано устройство помѣщенія издѣлій). — *Роспись вещамъ* (подробная) — и за нею слѣдующая *краткая роспись* того-же, которую мы списываемъ здѣсь вполнѣ, какъ сущность или извлеченіе всего, заключающагося въ сихъ двухъ брошюркахъ, въ концѣ коихъ приложена еще *алфавитная роспись* всѣхъ особъ и мѣстъ, представившихъ свои издѣлія для выставки.

Исчисленіе всѣхъ предметовъ, находившихся на 1-й выставкѣ Россійскихъ издѣлій, съ означеніемъ, отъ какого лица или заведенія были оные доставлены.

Машины и инструменты.

С.Петербургскаго и Александровскаго Литейныхъ заводовъ — Адмиралтейскихъ Ижорскихъ заво-

довъ — Императорской Александровской мануфактуры — Придворнаго Экипажнаго заведенія — Заводовъ Каммергера Всеволожскаго — Слесарныхъ мастеровъ: Гельфера — Бремера — Вологодскаго купца П. Мясникова — С.Петербургскаго инструментальнаго заведенія — Технической школы при С.-Петербургскомъ Арсеналѣ — Механика Прейса — Химика Маббу — Механиковъ: Шеделя —Белау — Часоваго мастера Фиксена — Механика Крумзиха — Столярнаго мастера Опица — Механика Шперлинга — СПб. купца Домлера и золотыхъ дѣлъ мастера Янсена.

Часы.

Заводовъ Каммергера Всеволожскаго — Часовыхъ мастеровъ: Клейна — Гауша — Гейде — Носова — П. Толстаго съ братьями — Шпигеля — ученика П. Юренева — Эрница — ученика М. Савинова.

Химическія произведенія. Краски.

Фабрикъ: К. Брюненгаузена — Московскаго купца Прешра — СПб. купца Гердау — СПб. купца Сп. Усова — П. Гульста — купца Фрезе — Оберъ–Гиттенфервалтера Друри — Фабриканта Бабурина — Помѣщика Одинцова — СПб. фабриканта Джона Робука — Бѣлильнаго мастера Кочетова — Фабриканта и Химика Бауера. — Ржевскаго купца А. П. Волоскова.

Металлическія издѣлія.

Платиновыя вещи.

Соединенной Лабораторіи при Горномъ Корпусѣ.

Серебряныя вещи.

СПб. мастеровъ: Янцена — Прагста — Лауферта — Фишера — Миллера.

Плакированныя вещи.

Придворнаго Экипажнаго заведенія—СПб. и Александровскаго литейныхъ заводовъ — Фабрики купца Кузнецова.

Томпаковыя вещи.

Тульскаго оружейника Маликова.

Мѣдныя вещи.

Адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводовъ — Заводовъ покойнаго Демидова наслѣдниковъ — СПб. и Александровскаго литейныхъ заводовъ — СПб. мастера Бека — Фабрики Траншеля и Буха—Булавочнаго мастера Г. Шульца — Крестьянина Степанова.

Оловянныя вещи.

Оловянныхъ дѣлъ мастера Свистунова.

Желѣзныя и чугунныя издѣлія.

Изъ Музеума Горнаго Кадетскаго Корпуса — С.-Петербургскаго и Александровскаго литейныхъ заводовъ — Олонецкихъ казенныхъ заводовъ — Придворнаго Экипажнаго заведенія —Завода Генералъ Маіора Пашкова — Инструментальной фабрики Графини де Брогліо — Завода гвардіи Корнета Яковлева — Заводовъ наслѣдниковъ Баташева — Заводовъ покойнаго Тайнаго Совѣтника Демидова наслѣдниковъ — Заводовъ Г-дъ Шепелевыхъ — Завода Маіора Князя Бибарсова — Завода Дѣйствительной Тайной Со-

вѣнницы Княгини Бѣлосельской - Бѣлозерской — Заводовъ Дѣйствительнаго Каммергера Всеволожскаго — Тульской фабрики купеческаго сына Черникова — Слесарныхъ фабрикъ: крестьянина Щипахина — Яхтмана — Фабрикъ Статской Совѣтницы Полторацкой — СПб. мастера Свалинга — Ножевой фабрики Генералъ-Маіора Варенцова — Тульскаго мастера Барыкова — Шпажныхъ дѣлъ мастера Шафа — Тульскаго оружейника Шпанова — ружейныхъ мастеровъ Кнота — Лежена — Гарбера — Цехового мастера Канапле.

Издѣлія изъ свинца.

Александровскаго литейнаго завода — Адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводовъ.

Шерсть и шерстяныя издѣлія.

Овечья шерсть.

Завода Князя А. К. Разумовскаго — СПб. купца Загемюля — Пилтенскаго кореннаго овчарнаго завода въ Курляндской губерніи — Завода Сенатора Е. И. Мечникова.

Сукна.

Фабрикъ: Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Н. Н. Новосильцова — Генералъ-Адъютанта Графа Комаровскаго — Тайнаго Совѣтника Графа Толстаго — Генерала отъ Инфантеріи Князя Горчакова — Тайнаго Совѣтника М. П. Миклашевскаго — Московскихъ 1 гильдіи купцовъ Ивана Рыбникова и братьевъ Бабкиныхъ — Московскаго купца Дефрена

и К. – Тульскихъ фабриканшовъ – фабрикъ Каширскихъ купцовъ братьевъ Поповыхъ–Тайной Совѣтницы Мятлевой–Московскаго купца Гейтена–Бѣлостокскаго помѣщика Лыщинскаго–Московскаго купца Кожевникова–Еврея Ореля Шліомовича.

Шали.

Фабрикъ: Воронежской помѣщицы Шишкиной – Спасскаго Совѣтника Колокольцова – Нижегородской помѣщицы Г-жи Мерлиной.

Ковры шерстяные.

Фабрикъ: Тайной Совѣтницы Мятлевой–Тайнаго Совѣтника Миклашевскаго–Рошмистра Шубина – Московскаго купца Епанечникова – Императорской Шпалерной Мануфактуры–Фабрики Графа Заводовскаго.

Костровыя издѣлія.

Фабрики Коллежск. Секретаря Есимонтовскаго.

Бумажная пряжа и бумажныя издѣлія.

Бумажная пряжа.

Императорской Александровской Мануфактуры–Фабрики Московскихъ купцовъ Вандергюта и Прешра–Фабрики отставнаго Полковника Рененкампфа–краспльнаго мастера Ашмана.

Бумажныя ткани, бѣлыя и набивныя.

Императорской Александровской Мануфактуры – Фабрикъ: СПб. купца Бишепага – Московскаго 1-й гильдіи купца Титова–Карла Теша, въ Ямбургѣ – Шлиссельбургскаго 2-й гильдіи купца Вебера – Московскаго 2-й гильдіи купца Урусова–Московскаго 1-й гильдіи купца Трешьякова – Московскихъ куп-

цовъ Прохоровыхъ — Московскихъ 2-й гильдіи купцовъ: Я. Титова и И. Прокофьева — Московскаго 2-й гильдіи купца И. Прокофьева — Шуйскихъ 1-й гильдіи купцовъ братьевъ Посилиныхъ — Тульскаго купца Швецова — Серпуховскаго 2-й гильдіи купца Коншина—Рика, въ СПб.—Рудерта, въ СПб.—Клаузера, въ СПб.—Кресса, въ СПб. — Московскаго 2-й гильдіи купца Борисова — СПб. 2-й гильдіи купца Чурсинова—Московскаго 2-й гильдіи купца Веретенникова—Купчихи Меньщиковой, въ г. Юрьевѣ—Рижскихъ 1-й гильдіи купцовъ Хлѣбниковыхъ сыновей—Рижскаго 2-й гильдіи купца Пихлау—купца Чижова, въ СПб.—Ланге, въ СПб.—Шуйской 2-й гильдіи купчихи Болотовой съ сыновьями — Шуйскаго купца Корнилова—Московскаго купца Бѣлова—Цеховаго мастера Васильева, въ СПб.—Колониста Кемпера, въ Царскомъ Селѣ.—Рудольфа Вебера и К. въ СПб.

Льняная и пеньковая пряжа и издѣлія изъ оной.

Императорской Александровской Мануфактуры — Ярославской мануфактуры Г-дъ Яковлевыхъ—Фабрикъ СПб. купца Нейенгана—Тайнаго Совѣтника Миклашевскаго—Тайнаго Совѣтника Графа Толстаго—Купца Никифорова, въ Вологдѣ — Московскихъ первостатейныхъ купцовъ, братьевъ Куманиныхъ—Вязниковскаго 2-й гильдіи купца Елизарова—Костромскаго 1-й гильдіи купца Дурыгина — Костромскаго 1-й гильдіи купца Угличанинова — Серпуховскаго 2-й гильдіи купца Дм. Плотникова — Серпуховскаго 2-й гильдіи купца И. Плотникова — Нарвскаго 1-й гильдіи купца Торубаева—Купцовъ Хлѣбниковыхъ—Калужскаго 1-й гильдіи купца Билибина

меньшаго—Серпуховской 2-й гильдіи купчихи Сѣриковой—Калужскаго 1-й гильдіи купца Зотова — Калужской 1-й гильдіи купчихи Григоровой — Гвардіи Поручика Полторацкаго — Надворнаго Совѣтника Гончарова—Козельскаго 1-й гильдіи купца Брюзгина—Алексинскихъ 1-й гильдіи купцовъ братьевъ Масловыхъ—Механика Германа въ Москвѣ. — Фабрикъ: 1-й гильдіи купчихи вдовы Темериной съ дѣтьми — Костромскаго 1-й гильдіи купца Солодовникова — Шуйскаго купца Носова—Серпуховскаго 2-й гильдіи купца Коншина—СПб. купца Сазонова—Шуйской 2-й гильдіи купчихи Болотовой—Московскаго 2-й гильдіи купца И. Прокофьева.

Шелкъ.

Фабрики Кастелла и К. въ Тифлисѣ.

Шелковыя издѣлія.

Купавинской фабрики Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Князя Юсупова—Фабрикъ: Московскихъ 2-й гильдіи купцовъ: Колокольникова, Полякова, Левина—Московскихъ 1-й гильдіи купцовъ Кондрашевыхъ—Московскихъ купцовъ Рогожиныхъ — Богородскаго 2-й гильдіи купца Карпова съ сыновьями — Московскаго 2-й гильдіи купца Щеглова — Московскаго купца Аксенова—Московскихъ 2-й гильдіи купцовъ Прошопопова, Сопова—Московскаго 1-й гильдіи купца Доброхотова—Бинара и Пемецридера, въ СПб.—Московскихъ купцовъ: Локтева, Шелковникова, Добрынина—Тульскаго купца Швецова—Московскаго 2-й гильдіи купца Борисова—Ярославскаго 2-й гильдіи купца Оловянишникова—Тильмеса, въ СПб.—Московской 2-й гильдіи купчихи Сапожковой — Мо-

сковскихъ купцовъ: Тучкова, Бѣлова, М. Волкова, въ Москвѣ — Московскихъ 2-й гильдіи купцовъ Шишовыхъ.

Позументныя, золотошвейныя и вышивныя вещи.

Фабрикъ СПб. купцовъ: Лихачева, Залемана — Бисерныя издѣлья дочери Вологодскаго купца Александры Никифоровой — Шитье по канвѣ Баронессы фонъ Будбергъ — Придворной эполетной фабрики Битнера, въ СПб.—Заведенія Статской Совѣтницы Безобразовой, въ СПб. — Золотошвейнаго мастера Залемана, въ СПб.—Фабрики Наталіи Павловой.

Басоны и тесьма.

Придворнаго экипажнаго заведенія — Басоннаго мастера Вебера, въ СПб. — СПб. фабриканта Жукова—Басоннаго мастера Гильдебрандта, въ СПб.—Тесемнаго фабриканта Цинзерлинга, въ СПб.

Волосяная матерія.

Фабрикъ купеческаго сына Пѣтухова, въ СПб.—СПб. 3-й гильдіи купца Ламаха—Пораша, въ СПб.—Волосяныхъ дѣлъ мастера Савельева.

Волосяныя издѣлія.

СПб. мастерицы Стефаницъ.

Вощанки, клеенки и мастичные ковры.

Фабрики СПб. 2-й гильдіи купца Чурсинова.

Кожи, сафьяны и кожевенныя издѣлья.

Московской сафьянной фабрики купца Чеканова—Порѣцковской фабрики Тайной Совѣтницы Мятлевой—Заводовъ СПб. 2-й гильдіи купца Гинтера—Са-

ранскаго 2-й гильдіи купца Пичугина–Купеческаго сына Ротгана, въ СПб.–Фабрики братьевъ Унгофъ, въ СПб.

Лайковыя и оленьи перчатки.

Фабрикъ: Московскаго купца Полякова–СПб. 2-й гильдіи купца Бунина–Жено, въ СПб.–Московскаго мѣщанина Епанечникова–Шафера, въ Москвѣ.

Кожевенныя лакированныя издѣлія.

Фабрикъ мастеровъ: Карла Лауферта, въ СПб.–Іоганна Лауферта, въ СПб.

Стекло, фарфоръ и фаянсъ.

Хрустальная посуда.

Императорскаго Стекляннаго завода, въ СПб.–Фабрикъ: отставнаго Гвардіи Поручика Бахметева–Г-дъ Мальцовыхъ–Коллежскаго Ассессора Паншина–Генералъ-Маіора Орлова.

Зеркальныя стекла.

Императорскихъ Выборгскихъ стекляныхъ заводовъ–Зеркальнаго завода Дерптскаго 2-й гильдіи купца Амелунга съ сыномъ.

Оконничныя стекла.

Заводовъ Генералъ-Лейтенанта Рихтера, извѣстнаго подъ названіемъ Герардова–СПб. 3-й гильдіи купца Аникіева.

Фарфоровыя вещи.

Императорскаго фарфороваго завода–Фабрикъ Г-дъ Гарднеровъ – СПб. купца Ботенина–Помѣщика де Незера.–Наслѣдницъ Князя Чарторійскаго–Завода купцовъ братьевъ Фетисовыхъ, въ Шадринскѣ.

Фаянсъ и глиняная посуда.

Фабрикъ: Ауербаха–Наслѣдницъ Князя Чарторійскаго–Надворнаго Совѣтника Поскочина–Купца Соколова, въ Вышнемъ Волочкѣ – Купца 2-й гильдіи Гиншера, въ СПб.

Издѣлія изъ камня.

Скульпторныхъ мастеровъ: Мадерни, въ СПб. – Трескони, въ СПб.–Скульпторнаго ученика Карманова–Издѣлья Московскаго мѣщанина Кузнецова.

Бронзы, люстры и лампы.

Бронзовыхъ мастеровъ: Герена, въ СПб. – Диннера, въ СПб.–Шрейбера, въ СПб. – Скульпторнаго мастера Крейтона, въ СПб. – Ламповаго мастера Блейхера, въ СПб. – Фабрики Леонарда Геде, въ СПб.–Ламповыхъ дѣлъ мастера Моппертша, въ СПб.

Перломутовыя, черепаховыя и костяныя издѣлія.

Токарнаго мастера Эша, въ СПб. – Гребеннаго мастера И. Бараева, въ СПб. – СПб. 3-й гильдіи купца Тиханова–Фуплярнаго мастера Цешке, въ СПб.–Токарныхъ мастеровъ: Трешьякова, въ СПб.–Эша–Угольникова, въ СПб. – Крамера, въ СПб.–Слободскаго мѣщанина Макарова – Гребенныхъ мастеровъ: Бараевыхъ, Ларіонова, крестьянина Балдина, купца Михайлова.

Шляпы.

Пуховыя.

Московскаго 2-й гильдіи купца Стужина–Шляпнаго мастера Баррейтпера, въ СПб.

Соломенныя.

Фабрикъ: Юнкера, въ СПб.—Княгини Рѣпниной, въ Почепѣ — Богадѣльни Императорскаго Воспитательнаго Дома.

Шелковыя.

Фабрикъ: СПб. купца Гертума, Юнкера, въ СПб.—Цешке, въ СПб.

Тростниковыя.

Фабрики Юнкера, въ СПб.

Бумага писчая и издѣлья изъ оной.

Бумага.

Бумажной фабрики Дѣйств. Статской Совѣтницы Кайдановой—Фабрикъ: Князя Гагарина, въ Ярославлѣ—Г-дъ Усачевыхъ — Барона Раля, въ СПб. — Карла Кибера, въ Ригѣ—Углицкой, 1-й гильдіи купца Попова наслѣдниковъ.

Бумажные обои.

Вѣдомства Кабинета Е. И. В. Царскосельской обойной фабрики—Жилкинской фабрики Ротмистра Шубина—Фабрикъ иностранца Фукса, въ СПб.—Живописнаго мастера Шафа, въ СПб.

Издѣлья изъ битой бумаги (*papier maché*).

Мастера Яна, въ СПб.—Фабрикъ: Боля, въ СПб.—Московскаго 2-й гильдіи купца Лукушина—Мастера Волленштейдера.

Лакированныя вещи.

Фабрики И. Муллерша, въ Мишавѣ—Демидовскаго завода жителя А. Шестакова — Фабрики Пеца, въ СПб.

Сахаръ.

Изъ колоніяльнаго песку.

Заводовъ Барона Штиглица, въ СПб. – СПб. 1-й гильдіи купца Геймбюргера–7-го класса Берда–Г-дъ Молво съ сыномъ–СПб. первостатейныхъ купцовъ, Жадимировскаго сыновей.

Изъ свеклосицы.

Заводовъ Генералъ-Маіора Герарда – Г-на Мальцова–7-го класса Берда.

Разныя вещи.

Свѣчи восковыя.

Фабрикъ Тайной Совѣтницы Мятлевой–Князя А. К. Разумовскаго.

Свѣчи сальныя.

Заводовъ фабриканта Стивенсона, въ СПб.–Вологодскаго купца Никифорова, въ Вологдѣ.

Сургучъ.

Фабрики сургучнаго фабриканта Пешерки, въ СПб.

Музыкальные инструменты.

Мастеровъ: Шульца–Вирша–Башова–Грацішеля–Дитрихсена–Шредера–Людеке–Нильсена – Гердау–Ваншейда–Тишнера.

Кареты.

Фабрики Іохима.

Мебели.

Придворнаго Механика Гамбса – Столярнаго мастера Бишнера.

Искуственные цвѣты.

СПб. Мастерицъ: Лапиной–и А. Столь.

Мозаики.

Художника Веклера.

Зонтики.

Мастера Шлеппера, въ СПб.–мастерицы Дежіованни, въ СПб.

Корзинки.

Мастеровъ Тодта, въ СПб.–Юнкера, въ СПб.

Оптическіе инструменты.

Оптическаго мастера Рейхенбаха.

Печати.

Рѣщика Можечкова, въ СПб.

Табакъ.

Фабрикъ: Купцовъ, Аѳанасьева, въ СПб.–Миллера, въ СПб.–Шилля, въ СПб.–Жукова–Головкина.

Графленая бумага.

Слесарнаго мастера Янсена.

Помада, духи, мыло, курительные порошки.

Фабрики Герке, въ СПб.

Напитки.

Купца И. Ленца.

– *Стихотворенія Александра Пушкина.* Вторая часть. СПб., въ т. Деп. Нар. Просв. 1829 г. 176 стр. in 8.

Въ сей второй части помѣщены мѣлкія стихотворенія, написанныя Пушкинымъ въ 1825-мъ,

1826-мъ, 1827-мъ, 1828-мъ годахъ, и одно стихотвореніе, написанное въ 1829-мъ году. Кажется, сіе послѣднее нигдѣ не было напечатано, и потому, надѣемся доставить удовольствіе нашимъ читателямъ, выписывая оное вполнѣ:

Е. Н. У*** вой.

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить не мудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы Сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза. . .
И наши рифмы, наша проза,
Предъ вами шумъ и суета.
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ,
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память, по неволѣ,
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Пр*** поле
Еще заборъ не заграждалъ.

Кромѣ означенныхъ годами, въ сей части помѣщено 25-ть стихотвореній разныхъ годовъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь полное собраніе мѣлкихъ стихотвореній Пушкина. Радуемся, вѣроятно

вмѣстѣ со всею Русскою публикою, сему прелестному подарку.

Замѣтимъ, что въ стихотвореніи: *Андрей Шенье*, выставлены цифры, указующія на примѣчанія, но въ настоящемъ изданіи сихъ примѣчаній нѣтъ. Это недосмотръ Гг. Издателей. Наружность второй части точно такова-же, какъ и первой.

— *Посланіе къ воспитанникамъ Коммерческой Академіи*, о достоинствѣ гражданина. Сочиненіе Сергѣя Глинки. М., въ т. Селивановскаго. 1829. 7 стр. in 4.

Стихотвореніе сіе было читано въ торжественномъ Собраніи Коммерческой Академіи. Посѣтители сего Собранія были между прочимъ обрадованы пріятною нечаянностью. Въ числѣ разныхъ рѣчей и стихотвореній, въ программѣ назначены были для прочтенія Французскіе стихи: Le déluge. Всѣ готовились услышать обыкновенные Французскіе возгласы, но юноша, которому должно было произнесть оные, прочиталъ, вѣроятно по распоряженію Г-на Директора, *Описаніе Полтавской битвы*, изъ Мазепы Пушкина. Это сдѣлало тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что было неожиданно, и весьма кстати: Собраніе происходило 27-го Іюня, то есть въ самый день знаменитой Полтавской битвы! Превосходные стихи Пушкина, кажется, въ первый еще разъ оглашали своды одного изъ разсадниковъ просвѣщенія. Вообще Собраніе сіе было замѣчательно: знаменитые и образованные Посѣтители съ удовольствіемъ замѣтили успѣхи учащихся въ Коммерческой Академіи и внутреннее устройство сего заведенія.

По окончаніи Акта, всѣ залы были открыты для любопытствовавшихъ.

Кс. П.

— *Ивану Выжигину, отъ Сидора Пафнутьевича Простакова, посланіе*, или отрывки бурной моей жизни. М., въ Унив. т. 1829. 112 стр., in 12.

Книжечка, весьма похожая на романъ Г-на Булгарина наружностью, но внутренними красотами своими отстающая отъ онаго на далекое, неизмѣримое разстояніе. Впрочемъ, Издателю нужно было только названіе *Выжигина*, и онъ, какъ говорятъ, не ошибся въ разсчетѣ, ибо распродалъ довольно много эпистолы Сидора Пафнутьевича. Многіе подумали, что это прибавленіе къ роману Г-на Булгарина!

— *Зимцерла*, Альманахъ на 1829-й годъ. М., въ т. Селивановскаго. 1829. VIII, 224 и 94 стр., in 16. Съ литографическими рисунками, портретомъ и нотами.

Одна изъ пустѣйшихъ книжонокъ, издаваемыхъ въ Москвѣ подъ названіемъ альманаховъ. Въ ней замѣтны знанія и умъ мальчиковъ приходскаго училища и требованія семинарской учености. Наружность сего Альманаха подъ пару къ содержанію онаго, то есть столько-же неопрятна и неуклюжа. Удивляемся, какимъ образомъ имя Г-на Барапынскаго попалось между именами Г-дъ Тюрпихъ, Шереметевскихъ и прочихъ?

СМѢСЬ.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

Письмо къ Издателю Телеграфа.

Не знаю почему, М. Г., вообще вышли изъ моды у Русскихъ Журналистовъ статьи, донынѣ имѣющія право гражданства въ журналахъ и газетахъ иностранныхъ. Я говорю о мѣлкихъ статейкахъ, которымъ Европейскіе Журналисты охотно даютъ мѣстечко, статейкахъ, которыя, какъ перецъ кушанье, приправляютъ ученыя диссертаціи, политику, критику журнальную. Въ нихъ ярко отсвѣчиваются странности, шалости, глупости людскія, не обременяя читателей продолжительнымъ чтеніемъ, не утомляя ихъ отвлеченными выводами о томъ, почему это хорошо, а то дурно: научаютъ шутя.

Въ старые годы изъ такихъ статеекъ составлялись цѣлые журналы. Дѣдушка мой *Живописецъ* имѣлъ честь забавлять и научать такимъ образомъ поколѣніе семидесятыхъ годовъ. Тогда еще свѣжа была слава Аддисоновъ и Стилей. Но съ тѣхъ поръ переводились Живописцы, и перевелись въ наше время совершенно. Явился Французъ Жуи, ввелъ въ моду свои систематическія *статьи о нравахъ*, написалъ нѣсколько томовъ, и утомился. Отъ чего? Отъ того именно, что ему хотѣлось философствовать, методически преслѣдовать пороки и глупости, и непремѣнно въ листъ и въ два листа вмѣщать свои повѣствованія. Онъ надѣвалъ маску пустынника, умиралъ, оживалъ, наряжался въ Гвіанскій костюмъ... Къ чему все это? Къ чему такой затруднительный парадъ? Не лучше-ли безъ всякаго требованія на пустынничество, продолжать-бы по старому, писать много и мало, какъ удастся, описывать, что попало подъ руку. Жуи хотѣлъ не столько *изображать*, но и *учить людей*. Бездѣлица! Неужели описатели нравовъ думаютъ, что душу статеекъ о нравахъ составляетъ ихъ философствованіе? Неужели они думаютъ *убѣждать нравоученіями*? Какъ они ошибаются!

Мой дѣдушка—Живописецъ не думалъ такъ, и поступалъ совсѣмъ иначе. Онъ вписывалъ въ свои листочки, безъ системы и методы, все что встрѣчалось ему достойнаго осмѣянія, страннаго, смѣшнаго, писалъ, какъ удавалось, не думая о краснорѣчіи, не философствуя, показывалъ зеркало, въ которомъ отражалась вся безсистемная пестрота людская, въ которомъ безобразіе видѣло себя и

хохотало, чтобы не показать своего *самопознанія*: извините, М. Г., ученое слово; но самопознаніе, какъ-бы оно мало ни было, всегда полезно. Надъ вратами какого-то Греческаго храма было написано: «*Познай самого себя*,» и Греческіе мудрецы дивились уму человѣка, сдѣлавшаго эту надпись. Надъ статейками о нравахъ, надобно надписать: «*Узнай самого себя*;» свѣтъ не будетъ дивиться, но польза ему будетъ не менѣе той, какая была отъ надписи на Греческомъ храмѣ.

Изъ всѣхъ журналистовъ Русскихъ, только Ѳ. В. Булгаринъ знаетъ цѣну статьямъ о нравахъ. Онъ умѣетъ, но лѣнится писать ихъ. Зачѣмъ вы, М. Г., упускаете изъ вида этотъ родъ журнальныхъ статеекъ, совсѣмъ немаловажный? Вы хотите пользы? Что-жь болѣе въ настоящее время принесетъ пользы, какъ не живое, современное изображеніе пороковъ и глупостей? Вы хотите, чтобы васъ читали? Повѣрьте, что на статьи ваши о Нибурахъ, Макіавеляхъ и Жанъ-Поляхъ не найдется и въ десятую долю столько читателей, сколько на статейку, которая даетъ щелчекъ криводушію судьи, чванству какого нибудь князька, кокетству притворной Агнесы, глупости рифмача и высокоумію педанта. Зачѣмъ оставили вы *Прибавленіе*, которое придавали къ своимъ книжкамъ въ началѣ 1825-го года? Продолжите его М. Г. и будьте увѣрены, что добрые скажутъ вамъ спасибо, а злымъ сдѣлаете вы добра болѣе, нежели дѣлаете его разысканіями своими объ Англійской торговлѣ, Русской статистикѣ и Турецкой географіи.

Вы скажете, что вамъ нѣкогда, что вы неумѣете (извините!) писать легкихъ статеекъ о нравахъ. Я и не начиналъ-бы моего письма къ вамъ, если-бы не имѣлъ средствъ пособить подобному недоумѣнію.

Все, что пишу я къ вамъ, говорено было мною и нѣсколькими моими знакомыми, дня съ два тому, когда мы перебирали новыя книжки Русскихъ журналовъ. Мы тотчасъ согласились писать къ Издателю Телеграфа и предложить слѣдующее:

Не угодно-ли вамъ, М. Г., печатать то, что мы будемъ посылать къ вамъ? Если вы согласны, то для каждой книжки Телеграфа будете получать отъ насъ пакетъ.

Мы не будемъ списывать Жуи, не будемъ называться студентами Недоумками, лазить на чердаки переулковъ близъ Патріаршихъ прудовъ, не будемъ переселяться въ Лужники или въ Бѣлый городъ, не будемъ вамъ говорить о пищѣ чаю съ Пафнутьемъ Евсигнѣевичемъ и жаловаться на больныя наши ноги. Нѣтъ! мы будемъ невидимы и безыменны для васъ и для публики. Вы будете получать извѣстія наши о глупостяхъ, нелѣпостяхъ, странностяхъ, какія намъ попадутся въ обществѣ, книгахъ и журналахъ. Мы имѣемъ обширную корреспонденцію съ городами уѣздными, губернскими, заштатными; многіе товарищи наши живутъ по деревнямъ; есть и за границею. Все, что получится отъ нихъ, будетъ доставлено къ вамъ. Если вы согласны, то горе недан-

шамъ, шалунамъ и шалуньямъ, взяточникамъ, криводушнымъ вельможамъ, либеральнымъ эгоистамъ: ихъ дѣйствія, слова, ихъ портреты будутъ цѣликомъ въ листочкахъ Живописца! Пусть не думаютъ они, что толстыя стѣны спасутъ ихъ отъ насмѣшки и позора, что знатное званіе защититъ ихъ отъ пера Живописцова внука!

Обѣщаемъ вамъ М. Г. не касаться личности, не сказывать именъ, не говорить ничего, почему можно-бъ было узнать *оригиналы* нашихъ *портретовъ*: это обязанность каждаго просвѣщеннаго гражданина, въ отношеніи къ другому. Описывайте вѣрно, но не называйте по имени. Пусть невидимая рука даетъ щелчки невидимо-видимому пороку. Въ замѣчаніяхъ о Литтературѣ и журналахъ мы не будемъ прибавлять никакихъ укоризнъ, ничего осуждающаго: мы не судьи, а *живописцы*. Спишемъ глупость, нелѣпость, и пусть судитъ ее кто хочетъ.

Есть пороки, недостатки, дѣла, которыхъ не можетъ преслѣдовать правосудіе гражданское, и которые только свистъ сатирической лозы заставляетъ трепетать. Нападая на нихъ, преслѣдуя ихъ, мы исполняемъ долгъ благомыслящихъ гражданъ, споспѣшествуемъ — осмѣливаемся такъ сказать — благимъ намѣреніямъ Правительства, которое, *развязывая умъ и руки* своими мудрыми учрежденіями, требуетъ, чтобы мы соотвѣтствовали благимъ его подвигамъ.

Изъявите ваше согласіе, и въ будущій № Теле-

графа мы пришлемъ къ вамъ начало статей нашихъ. Честь имѣю быть, и проч.

Живописецъ.

ОТВѢТЪ.

М. Г.!

Съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе, и готовъ служить вамъ въ каждой книжкѣ Телеграфа нѣсколькими страничками. Я радъ былъ всегда помѣщать въ моемъ Журналѣ статьи о нравахъ, зная всю пользу ихъ, и умѣя различать сатиру отъ личностей и пасквилей. *Прибавленіе* къ Телеграфу въ 1825 году было составляемо не мною, и прекратилось потому, что редакторы его перестали писать, а я самъ не имѣю ни досуга, ни способностей для такого рода литтературныхъ занятій. Что дѣлать! Направленія трудовъ бываютъ различныя, смотря по направленію ума и способностей. Тѣмъ не менѣе они не мѣшаютъ одно другому, и разнообразіе ихъ бываетъ причиною пользы и удовольствія. Честь имѣю быть, и проч.

Издатель Телеграфа.

Литтературныя извѣстія.

Тишина морская обыкновенно предвѣщаетъ бурю, удушающій лѣтній жаръ грозу, и всякая чрезмѣрность противоположное оной состояніе. Въ послѣдніе годы, Литтература наша была какъ-

бы въ разслабленномъ состояніи; нынѣшній годъ, кажется, показываетъ переходъ въ дѣятельности, крѣпости и силѣ. Почти по всѣмъ направленіямъ, въ нашей Литературѣ становятся замѣтны желаніе дѣйствовать, и стремленіе не къ безотчетному подражанію, но къ созданію чего нибудь болѣе прочнаго. Дай Богъ, чтобы замѣчаніе сіе было справедливо!... Постоянно извѣщая читателей нашихъ о всѣхъ новыхъ, замѣчательныхъ явленіяхъ Литературныхъ, показывающихся въ свѣтъ, мы хотимъ, и даже должны, извѣстить ихъ о нѣкоторыхъ ожидаемыхъ книгахъ, и изданіяхъ, не входящихъ въ составъ Библіографіи нашего Журнала.

Въ Петербургѣ печатается *Театръ* Н. И. Хмельницкаго, то есть собраніе всѣхъ драматическихъ сочиненій и переводовъ сего отличнаго Писателя. Намъ извѣстно, что ненапечатанныя пьесы его (напримѣръ: *Нерѣшительный*, *Новый Парисъ*) донынѣ ходили по рукамъ въ спискахъ, большею частію невѣрныхъ, и что многіе давно желали видѣть полный Театръ Г-на Хмельницкаго. Слѣдственно, исполняя сіе желаніе, Издатель (Е. В. Аладьинъ) оказываетъ большую услугу любителямъ Драматическаго Искуства. Изданіе Театра Г-на Хмельницкаго будетъ хорошее, въ 2-хъ томахъ въ большую осьмушку, украсится портретомъ Автора и нѣсколькими гравюрами, и выйдетъ въ свѣтъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года (*). Предпрія-

(о) Цѣна, на лучшей бумагѣ 22 рубля, съ пересылкою.

тіе сіе тѣмъ болѣе достойно хвалы и одобренія, что денежныя выгоды онаго предоставляются въ пользу одного благороднаго семейства, доведеннаго обстоятельствами до совершеннаго разоренія и обремененнаго долгами. Съ тою-же цѣлію будетъ изданъ къ Декабрю мѣсяцу сего года *Невскій Альманахъ* (*). Внутреннее достоинство онаго и богатство наружности будутъ таковы-же, какъ въ прошедшемъ году. Подписываться на обѣ сіи книги можно во всѣхъ книжныхъ лавкахъ въ СПбургѣ и въ Москвѣ, и въ Конторѣ М. Телеграфа.

Вильгельмъ Тель, Шиллера, переведенный Г-мъ Ротчевымъ, скоро будетъ изданъ. Таланшъ Переводчика извѣстенъ уже Русской публикѣ. Одинъ отрывокъ изъ его перевода Вильгельма Теля былъ напечатанъ въ М. Телеграфѣ нынѣшняго года.

Почтенный ветеранъ нашей Словесности, Н. М. Шатровъ, намѣренъ издать собраніе своихъ сочиненій. Этого давно ожидали всѣ уважающіе таланшъ сего Автора, одного изъ лучшихъ прелагателей Псалмовъ.

Можемъ сообщить читателямъ нашимъ весьма пріятную *новость* (во всемъ смыслѣ сего слова), дошедшую къ намъ изъ вѣрнаго источника. *Гайдамакъ*, сочиненіе Г-на Байскаго, доселѣ являвшійся въ отрывкахъ, и возбудившій живѣйшее любопытство образованной публики, скоро будетъ из-

---

(*) Цѣна 13 рублей, съ пересылкою.

данъ вполнѣ. Этотъ романъ можно назвать однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій современной Словесности, если онъ весь такъ хорошъ, какъ отрывки изъ онаго, напечатанныя въ альманахахъ и въ Сынѣ Отечества. По крайней мѣрѣ можно ручаться, что Малороссійскій бытъ и разсказъ въ Гайдамакѣ совершенно оригинальны. Самое предпріятіе сіе и выборъ предмета для онаго, показываютъ, что Г-нъ Байскій напитанъ не чужими вдохновеніями. Въ его душѣ есть что-то свое, сильное, пламенное, а этого-то намъ и надобно. Просимъ Г-на Байскаго не медлить, и поскорѣе отдать въ типографскіе тиски Малороссійскаго Карла Моора, ожидаемаго нами нетерпѣливо, ибо мы надѣемся, что онъ доставитъ намъ истинное наслажденіе.

О. М. Сомовъ издастъ нынѣшнею осенью 2 тома своихъ *Разсказовъ Путешественника*, гдѣ будетъ до осьми новыхъ повѣстей и нѣкоторыя прежнія сочиненія его въ семъ родѣ, передѣланныя. Это также показываетъ, что наши Литераторы не вѣчно будутъ подражать. Настало время и Русской жизни. Отъ Г-на Сомова всѣ ожидаютъ повѣстей изящныхъ, ибо онъ, своими веселыми, умными, прелестными разсказами, помѣщавшимися въ альманахахъ, далъ своимъ читателямъ право ожидать отъ него изящнаго. Можемъ примолвить, что повѣсти Г-на Сомова будутъ изданы красиво, съ хорошими картинками, которыя рисуетъ одинъ отличный художникъ, а гравировать будутъ лучшіе Петербургскіе гравёры.

Г-нъ Булгаринъ пишетъ новый романъ, *исторический*, котораго содержаніе заимствовано изъ исторіи Самозванца. Ожидаемъ отличнаго хорошаго разсказа, судя по напечатанному отрывку. О цѣломъ созданіи теперь не льзя говорить. Впрочемъ, съ увѣренностію можемъ предречь Г-ну Булгарину большой успѣхъ: его *Выжигинъ* ручается за это. Повѣрятъ-ли, что сей послѣдній возбудилъ такое вниманіе, какого въ Россіи не возбуждала ни одна книга. Не говоримъ о томъ, что Выжигинъ теперь находится во всѣхъ углахъ Русскаго Государства. Въ Москвѣ пишутъ на него критики, изъ коихъ одна будетъ въ 4-хъ томахъ, другая въ 2-хъ: не шутя, а въ самомъ дѣлѣ. Не знаемъ, будутъ-ли напечатаны сіи критики, а что онѣ пишутся, въ этомъ осмѣливаемся увѣрить.

Г-нъ Загоскинъ сочиняетъ романъ, содержаніемъ также относящійся къ временамъ междуцарствія въ Россіи. Онъ намѣренъ написать, для противоположности, другой романъ изъ нашего времени, дабы въ обоихъ изобразить 1612-й и 1812-й годы. Удерживаемся отъ всѣхъ сужденій, хотя о слогѣ Автора и могли-бы сказать нѣчто, судя по отрывку, напечатанному въ *Русскомъ Зрителѣ*. Мысль Г-на Загоскина кажется намъ нѣсколько изысканною.

Извѣстное сочиненіе Г-на Аделунга *О Корсунскихъ вратахъ*, переведено на Русскій языкъ и переводъ представленъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. Общество поручило одному изъ сочленовъ своихъ, И. Н. Камашеву-Среднему,

пересмотрѣть Русскій переводъ. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что важная книга Г-на Аделунга явится на Русскомъ языкѣ въ достойномъ видѣ: за сіе ручаются познанія и искуство Г-на Камашева-Средняго, прекрасно переведшаго на нашъ языкъ сочиненіе Г-на Кеппена *О древностяхъ сѣвернаго берега Понта.*

У насъ часто говорятъ, что Рускіе любятъ читать на Французскомъ языкѣ даже сочиненія своихъ авторовъ. Представляемъ доказательство противъ сего мнѣнія. Уже другой годъ издается въ Москвѣ Журналъ: Bulletin du Nord, на Французскомъ языкѣ. Въ немъ помѣщаются переводы лучшихъ статей изъ Русскихъ книгъ и журналовъ, любопытныя извѣстія о Россіи и Русской Литературѣ, оригинальныя, пріятныя статейки о нравахъ, и проч. Недавно, пересматривая сей Журналъ за прошедшій годъ, мы внутренно хвалили богатство содержанія онаго и трудолюбіе Издателя. Что-же? Сколько подписывающихся на сей, весьма хорошій и любопытный Журналъ? *Менѣе ста*!.. Не явно-ли, что, если у насъ мало читаютъ Русскихъ сочиненій на Русскомъ языкѣ, то еще менѣе читаютъ ихъ на Французскомъ. Говорятъ, будто Г. Делаво (Издатель упомянутаго Журнала) пишетъ по Французски не такъ, какъ современные намъ Французскіе Литтераторы. Положимъ, что Г. Делаво не Бенжаменъ Констанъ, не Гофманъ, не Фелезъ, не Charles Rémusat, но все онъ пишетъ на своемъ языкѣ лучше нежели многіе изъ Русскихъ Литтераторовъ пишутъ по Русски. По крайней мѣрѣ содержаніе статей его Журнала

неоспоримо занимательно и важно; причиною-же неудачи Г-на Делаво то, что Рускіе *не читаютъ своего по Французски*. Въ подтвержденіе сего прибавимъ, что подписчики на Журналъ Г-на Делаво, сколько ихъ есть, почти все Французы, живущіе въ Россіи. Если Французы подписываются на сей Журналъ, то Рускіе не берутъ его конечно не потому, что онъ писанъ дурно по Французски.

Однако-жь неудача сія не устрашила другаго Французскаго Литтератора, Г-на Сенъ-Жюльена, который съ 1-го Іюля сего года началъ издавать въ Петербургѣ газету, на Французскомъ языкѣ, выходящую дважды въ недѣлю, подъ названіемъ: Le Furet. Мы получили сего Журнала первый нумеръ (при Journal de St. Pétersbourg), но желали-бы видѣть онаго болѣе одного листка, дабы сказать свое мнѣніе о семъ новомъ явленіи. Наружность 1-го нумера очень красива.

Эстона, весьма хорошая Нѣмецкая газета, издаваемая въ Ревелѣ Г-мъ Шлейхеромъ, также достойна вниманія всѣхъ читающихъ по Нѣмецки, ибо въ ней помѣщаются переводы (изъ коихъ многіе прекрасны) лучшихъ Русскихъ сочиненій касательно Изящной Словесности. По желанію Г-на Издателя Эстоны, мы приложимъ при Телеграфѣ подробное извѣстіе о его газетѣ.

Русскій Театръ.

Рауль синяя борода, балетъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ; *Воспитанникъ любви, или какъ онъ измѣнился*, комедія-водевиль въ 4-хъ частяхъ (!); *Дивертисманъ* (Бенефисъ танцовщицъ: Г-жъ М. Ивановой и Лепской).

Когда Людовикъ XVIII-й возвратился въ столицу предковъ своихъ, послѣ двадцатилѣтняго странствованія, то, по собственнымъ словамъ знаменитаго несчастливца, онъ уже не узнавалъ ни страны, ни народа, надъ копми законныя права заставляли его снова царствовать. Сей умный и бѣдствіями испытанный Государь увидѣлъ большую разницу между оставленнымъ имъ, и вновь найденнымъ Королевствомъ, между Французами, причесанными à l'oiseau royal, и Французами, обстриженными à la Titus. Мудрый Монархъ догадался, что часмое возстановленіе стараго невозможно, и что должно сообразоваться съ господствующимъ духомъ времени. Не говоря о политическихъ его учрежденіяхъ, вполнѣ удовлетворившихъ потребностямъ новаго поколѣнія, упомянемъ только о любви Короля къ Драматической Словесности, и о перемѣнахъ, имъ найденныхъ въ оной. Во дни безмятежнаго царствованія благословеннаго поколѣнія Бурбоновъ, Графъ Прованскій былъ ревностнѣйшимъ любителемъ сценическаго искусства. Онъ удостоивалъ своего знакомства славнаго Лекеня; онъ почти зналъ наизусть всѣ произведенія тогдашней трагической Музы.

Наслышавшись о необычайномъ талантѣ знаменитаго Тальмы, Король, по воспріятіи вѣнца предковъ своихъ, призвалъ къ себѣ прославляемаго трагика, и назначивши представленіе одной изъ новѣйшихъ трагедій, соблаговолилъ изречь славному актёру: «Я, можетъ быть, буду строгъ въ моихъ сужденіяхъ, Г. Тальма! Но вы меня извините!... Мнѣ трудно угодить, потому что я видѣлъ и хорошо зналъ вашего предшественника Лекеня.» Само собою разумѣется, что подобныя, лестныя выраженія Монарха, покровителя искуствъ, окрилили геній незабвеннаго актёра. Тальма превзошелъ самого себя въ присутствіи вѣнценоснаго судіи. Король, восхищенный игрою сего любимца Мельпомены, сказалъ: «Это не Лекень, не безсмертный Лекень, которому я столько удивлялся: это нѣчто другое, въ новомъ родѣ, удивляющее меня не менѣе, и едвали не болѣе!» Вообще Людовикъ XVIII-й, истинный и просвѣщенный знатокъ, нашелъ большую перемѣну въ игрѣ актёровъ своего и новѣйшаго времени. Онъ уже не видѣлъ ни стѣсненной сцены, ни величавой походки, ни распудренныхъ головъ, ни *богковъ* (vertugadins) театральныхъ царицъ — тѣмъ не менѣе онъ былъ доволенъ и даже увлеченъ успѣхами трагической декламаціи. Всѣ сіи подробности не выдуманы. Мы были свидѣтелями незабвенной для Франціи эпохи возстановленія законной власти, и анекдоты, нами приводимые, могутъ любопытные отыскать въ журналахъ, современныхъ сему важному событію. Міръ, какъ физическій, такъ и нравственный, подверженъ безпрестаннымъ перемѣнамъ. И въ томъ и въ другомъ от-

ношеніи, одно исчезаетъ, другое раждается. Правда, что солнце свѣтитъ одно и тоже отъ созданія нашей планеты, и что хорошее, современное началу міра, не потеряетъ своей цѣны до скончанія онаго, но... все согрѣваемое лучами свѣтила дневнаго, и все прозябающее благотворнымъ вліяніемъ хорошаго, измѣняется въ видахъ своихъ, и какъ будто съ благоразумною предусмотрительностью старается сообразоваться съ потребностями, или, лучше сказать, съ прихотями каждаго времени. Эта безпрерывная дѣятельность природы нравственной и физической, есть настоящая жизнь. Эта частая перемѣна потребностей каждаго вѣка, есть главнѣйшая пружина, приводящая въ движеніе промышленность и изобрѣтательность рода смертныхъ. Мы жалуемся на нововведенія, на скорое забытіе истинно-хорошаго, которое приглядѣлось нашимъ современникамъ, на безпрестанныя требованія чего-либо новаго, на мучительную работу, ежедневно задаваемую удовлетворителямъ сихъ потребностей; но едва-ли всѣ сіи жалобы основательны. Никто не ропщетъ на неумолимое время за то, что оно ежемгновенно дѣлаетъ человѣка старѣе и старѣе, одно поколѣніе замѣняетъ другимъ; никто не сѣтуетъ о томъ, что дѣти, сохраняя нѣкоторыя черты родителей, не совершенно похожи на нихъ, а имѣютъ собственныя физіономіи. И такъ, если сама природа столь неутомимо производитъ новое и новое, истребляя все устарѣвшее, то почему-же намъ хотѣть положить преграды дѣятельности ума человѣческаго? Зачѣмъ намъ воспрещать ему замѣнять старое новымъ,

болѣе приличнымъ времени и обстоятельствамъ? Старое, не только хорошее, но даже изящное, можно уподобить почтенной бабушкѣ, которая нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ была предметомъ пламенныхъ желаній молодыхъ мужчинъ, а нынѣ, когда и слѣдовъ не осталось ея прелестей, едва помнитъ, что она въ свое время нравилась. Добрая старушка будетъ съ удовольствіемъ перерывать архивъ своей долголѣтней жизни, и разсказывать, какъ она, *во дни оны*, въ бѣломъ атласномъ робронѣ, разрумяненная и облѣпленная мушками, ѣхала къ вѣнцу, или какъ на свадебномъ балѣ постукивала остренькими каблучками, выдѣлывая *шоцкія па* въ контр-дансѣ; какъ *въ то время* умильно глядѣли на нее всѣ мужчины, и съ какою завистью смотрѣли на молодую красавицу всѣ матушки взрослыхъ дочерей. Воспоминаніе пріятное! Но вѣрно дряхлая бабушка не подосадуетъ на своихъ прелестныхъ внучекъ, за то, что онѣ заступили ея мѣсто, и, кружась въ рѣзвомъ котильонѣ, обращаютъ на себя лорнеты влюбчивыхъ мужчинъ, между тѣмъ какъ старушка должна сидѣть въ смиренномъ уголкѣ. Благое Провидѣніе всему опредѣлило свое время, и старое, какъ-бы хорошо ни было, должно уступить новому, которое въ свою очередь устарѣетъ и смѣнится другимъ.

Изъ чего-же бьются теперь упорные Классики, раболѣпные поклонники старины, заклятые враги, такъ называемаго, Романтизма и попытокъ современныхъ писателей угодить господствующему вкусу своего вѣка? Изъ чего хлопочутъ эти ревностные защитники старинныхъ формъ и слога, зауныв-

но вопіющіе: *О Сумароче! меда и сота сладчайши суть козлопѣнія твои, и се не зримъ ихъ въ благолѣпномъ видѣ, прескусными лицедѣями, на θеатрахъ нашихъ представленныхъ!...* Этимъ господамъ непремѣнно хочется обратить все новѣйшее поколѣніе къ обожанію древнихъ, обветшалыхъ красотъ, коимъ нѣкогда дивились сіи Парнасскіе старовѣры. Не уподобляются-ли они въ семъ случаѣ тому парикмахеру, который, по возвращеніи Бурбоновъ въ наслѣдственное Королевство, пріѣхалъ въ Парижъ послѣ двадцати пяти-лѣтней отлучки, и объявилъ въ журналахъ, что онъ, *имярекъ*, пользовавшійся во дни оны парикмахерскою славою, паки нвмѣренъ убирать Французскія головы en fer de cheval, à l'oiseau-royal, aux ailes de pigeon, etc; что онъ будетъ съ отличнымъ вкусомъ причесывать Греческіе тупеи трагическихъ актёровъ и танцовщиковъ Большой Оперы; что онъ дѣлаетъ по заказу круглые парики съ тафтяною накладкою для аббатовъ, большіе Испанскіе парики à huit et douze marteaux, для магистратовъ, и проч.; что онъ, имярекъ, продаетъ красивѣйшіе кошельки для косъ, крѣпкія помадныя палки, для прочнѣйшаго углаживанія тупеевъ, и лучшую пудру à la marechale, не уступающую въ добротѣ бывшей Фаржоновой? И когда всѣ стали смѣяться надъ предложеніями паричнаго старовѣра, онъ съ неистовствомъ возопіялъ, что послѣ столь счастливыхъ перемѣнъ, беззаконно, грѣшно и богопротивно видѣть Французовъ со стриженными волосами; что честь, совѣсть, національная гордость, нравственность, здравый разсудокъ, вкусъ, соблюденіе приличій, освященныхъ вѣками, не

позволяютъ Парижанамъ показывать настоящій цвѣтъ ихъ волосъ, и обязываютъ убѣлять ихъ, отъ чего-де и вся Франція будетъ имѣть одну голову, а революція не отъ чего другаго произошла, какъ только отъ несходства головъ. Всѣ сіи убѣжденія моралиста-парикмахера не подѣйствовали на легкомысленныхъ Французовъ, и они доселѣ стригутъ волосы и не пудрятся. Не только моды, но и самыя естественныя потребности человѣка подвержены такимъ-же измѣненіямъ. Намъ извѣстно, что древнимъ Грекамъ не чужды были утонченныя наслажденія жизнію, что они также приносили усердныя жертвы Комусу. Но желалъ-бы я знать, кто изъ нашихъ современниковъ согласится промѣнять наши рыхлыя кулебяки, вкусныя телячьи печенки à l'Italienne, и молодыхъ цыплятъ braisés et à la Financière, на лепешки съ медомъ Гимецкимъ, на кабаньи печенки, на маленькихъ птичекъ съ сыромъ, облитыхъ уксусомъ и масломъ, и на кузнечиковъ съ оливковымъ масломъ, коими Классическіе Греки услаждали вкусъ свой на воспѣтыхъ ими пирахъ? А весьма вѣроятно, что эти кушанья были изготовлены очень хорошо, если они такъ нравились законодателямъ изящнаго. Жители благословенной Аттики совершали трапезы свои растянувшись на мягкихъ ложахъ; мы, новѣйшіе жители Европы, обѣдаемъ сидя на стульяхъ; обитатели Аѳинъ вкушали дары Вакха изъ металлическихъ чашъ, украшенныхъ цвѣтами; мы, столичные гастрономы, пьемъ вина изъ хрустальныхъ бокаловъ и стакановъ. Греки, въ продолженіе веселыхъ своихъ пировъ, услаждали слухъ свой звуками флейты и пѣ-

нѣмъ хора, аккомпанируемаго единотоннымъ тетрахордомъ; при нашихъ большихъ обѣдахъ играетъ оркестръ, составленный изъ скрыпокъ, альтовъ, басовъ, кларнетовъ, гобоевъ, фаготовъ, валторнъ, тромбоновъ, трубъ и литавръ, производящихъ такой шумъ, что уши говорливыхъ Аѳинянъ вѣрно не выдержали-бы онаго. Но этимъ сравненіямъ различныхъ вкусовъ и наслажденій двухъ отдаленныхъ эпохъ не было-бы конца. Довольно сказать, что каждое поколѣніе пользуется благами жизни по своему.

Пища умственная развѣ не подвержена такимъ-же необходимымъ и неизбѣжнымъ измѣненіямъ? Не вдаваясь въ глубокомысленныя изысканія успѣховъ наукъ у древнихъ, укажемъ на близкое къ нашему вѣку предпріятіе Энциклопедіи. Не болѣе семидесяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда Дидеро и Даламберъ, отважнымъ своимъ подвигомъ обратили на себя вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей того времени. Всѣ думали, что многотомная Энциклопедія останется на грядущіе вѣки сокровищницею познаній человѣческихъ, и самымъ зрѣлымъ плодомъ усилій разума. Теперь спрашиваемъ: кто заглядываетъ въ это многотомное изданіе, съ другимъ намѣреніемъ, кромѣ удовлетворенія своему любопытству: знать, какъ было прежде? Всѣ отрасли наукъ, съ такою подробностью описанныя въ Энциклопедіи, приняли нынѣ совсѣмъ другой образъ и другое направленіе. Самыя статьи о Математическихъ наукахъ, менѣе другихъ подверженныхъ перемѣнамъ, сдѣлались недостаточными. И такъ, если-бы кто-нибудь изъ приверженцовъ Эн-

циклопедіи задумалъ вопіять противъ новыхъ открытій по отраслямъ познаній человѣческихъ, и силился-бы обратишь всѣ образованные народы къ правиламъ, коими руководствовались ученые люди первой половины прошекшаго столѣтія, то не будешъ-ли такой проповѣдникъ обвешшалаго мудрствованія, предметомъ насмѣшекъ, даже для учениковъ? Не шо-ли самое дѣлаюшъ нынѣ Литтературные старовѣры? — Козлинымъ голосомъ кричашъ они: *Слѣпотствующіе! безумствующіе! овцы заблудшія! Обратитесь на путь истины! Пріидите паки подъ сѣнь піитикъ: Аристотелевой, Гораціевой, Видасовой и Буаловой! Чтите достохвальныя три единства. Пишите достославными шестистопными ямбами, ими-же услаждался слухъ нашъ, in diebus istis. Благоговѣйте предъ правилами, рачительно установленными, съ помощію коихъ мы, дряхлые и немощные жрецы Классицизма, нѣкогда управляли міромъ литтературнымъ. А нынѣ!... увы! нарушены всѣ законы Словесности, и буйные рыцари нововведеній торжествуютъ надъ поборниками древнихъ теорій!* — Что ошвѣчашь симъ господамъ? Само собою разумѣется, что бодрые и мощные рыцари нововведеній должны побѣдишь дряхлыхъ и безсильныхъ поклонниковъ старины! Таковъ законъ природы физической и нравственной, и исполненіе его мы видимъ (*)!...

(*) У насъ на святой Руси, ревностнѣе всѣхъ стоишъ за старину Г-нъ Каченовскій. Нечего сказать! Ратуетъ *елико* можетъ! Но не смотря на всѣ его

У подошвы Французскаго Парнасса была таможня, такъ строго воспрещавшая ввозъ Романтизма, что самыя таможни временъ континентальной системы были едва-ли не снисходительнѣе. Но подобно тому, какъ въ царствованіе Наполеона, колоніяльныя произведенія прокрадывались при всей бдительности Герцога Отрантскаго, духъ Романтизма провѣялъ на Французскій Парнассъ, не взирая на грозное ополченіе всѣхъ Членовъ Академіи. Современные Парижскіе журналы безпрестанно толкуютъ объ успѣхахъ богатыря-Романтизма. Дѣлать нечего! Упорные Классики начинаютъ соглашаться, видя, что всѣ ихъ новыя творенія не наслаждаются долголѣтіемъ и безусловно отправляются ad patres. А мы, пропѣвши Requiem Классической Литературѣ, будемъ довольствоваться новѣйшею, каковы-бы ни были ея формы, лишь-бы только была она хороша!

Но кто-бы подумалъ, что этотъ Романтизмъ, овладѣвши поэмами и трагедіями, распространилъ свое вліяніе и на... на что, почтенные читате-

---

эсѳетическія убѣжденія, на его *энѳузіастическіе* порывы, *на ѳиты и гжицы*, коими тщится онъ *опоэтизировать* свой вялый Журналъ, никто не читаетъ Вѣстника Европы, и всѣ раскупаютъ терзаемыя онымъ сочиненія Пушкина. Винюсь предъ читателями въ употребленіи варварскихъ и неблагозвучныхъ выраженій: оныя заимствованы изъ Вѣстника Европы, въ который мнѣ, за грѣхи мои, довелось заглянуть. Впредь сего не будетъ! Отрекаюсь отъ Вѣстника Европы, отъ всѣхъ дѣлъ его и отъ кулачныхъ бойцовъ, въ ономъ подвизающихся!

ли? угадайте! На невинный, веселый водевиль, на этого младенца Драматической Словесности, который поигрывалъ доселѣ на свирѣлкѣ, и простыми напѣвами тѣшилъ невзыскательныхъ любителей забавъ!... Нынѣ, уже не говоря о несоблюденіи трехъ единствъ, по самому содержанію своему водевильныя пьесы прикомандировались къ Романтической школѣ. Такъ, напримѣръ, въ пьесѣ, игранной на здѣшнемъ Театрѣ 5-го Іюля сего года, ужь чего-то нѣтъ! И нападеніе мошенниковъ, и избавленіе отъ оныхъ незнакомой красавицы, и насильственное сватовство, прерванное появленіемъ бильярднаго маркера, и драка въ трактирѣ, и безкорыстный поступокъ, и дуэль, и два года употребленные на преобразованіе себя, и печальная встрѣча на балѣ, и разрушенный планъ похищенія, и романическая женитьба: чего хочешь, того просишь! Господа спесивые Французскіе Классики! Вы, которые трагедіи безсмертнаго Шиллера называете *романами въ разговорахъ* (romans dialogués), что̀ скажете вы о семъ новомъ произведеніи вашего соотечественника? Это уже цѣлый романъ *въ четырехъ частяхъ*, пропѣтый водевильными куплетами! Послѣ этого не удивительно, что Маркизъ Маскариль хотѣлъ всю Римскую Исторію переложить въ мадригалы!... Но оставя шутки, скажемъ чистосердечно, что комедія—водевиль: *Воспитанникъ любви*, очень хороша, и была принята публикою съ большимъ одобреніемъ. Всего болѣе понравилась первая часть, названная: *Кофейный домъ*. Это самое вѣрное и живое изображеніе трактирной жизни молодаго, беззаботнаго повѣсы!

Пьеса была разыграна довольно хорошо. Роль Жана Дюрана, который, любви ради, изъ буяновъ сдѣлался степеннымъ и образованнымъ человѣкомъ, игралъ Г-нъ *Сабуровъ*. Мы не слишкомъ благодарны были ему за преобразованіе! Сколько былъ онъ милъ въ костюмѣ бильярднаго героя, съ длинными волосами, съ густыми бакенбартами, съ тяжелою палкою въ рукѣ, которая въ случаѣ нужды служитъ ему вмѣсто оружія, столько, напротивъ, онъ былъ вялъ и скученъ, въ модномъ фракѣ, на балѣ и на дачѣ. Но въ этомъ виноватъ не актёръ, а сочинитель, который по видимому въ первыхъ двухъ частяхъ занимался своимъ героемъ con amore, а въ остальныхъ абрисовалъ его кое-какъ. — Г-жа *Сабурова* занимала роль знатной молодой вдовы, избавленной отъ нападенія мошенниковъ добрымъ и отважнымъ повѣсою, Жаномъ Дюраномъ. Эта прекрасная актриса, по обыкновенію своему, играла очень хорошо. Жаль только, что ея дородность препятствуетъ ей съ надлежащимъ успѣхомъ занимать роли любовницъ. — Роль Риголара, танцовальнаго учителя и крестнаго отца героя Романтическаго Водевиля, была не удовлетворительно выполнена Г-мъ Живокини. Каждый изъ зрителей могъ замѣтить, что крестный папа моложе своего крестника. Наши Гг-да Артисты очень ошибаются, полагая, что нѣсколько черточекъ, проведенныхъ на лицѣ жженою пробкою, и каммергерскій распудренный парикъ (какого ни одинъ Парижскій танцмейстеръ не носитъ) достаточны для превращенія молодаго актёра въ представляемаго имъ старика. Не тутъ-то было! Твердый голосъ, два ря-

да бѣлыхъ зубовъ и молодецкіе пріемы, безпрестанно выказываютъ настоящія лѣта поддѣльнаго старца. Хорошіе актёры заботятся о наружности! Вотъ все, что можемъ мы замѣтить *плохимъ* актёрамъ, слишкомъ рано убаюканнымъ похвалами пріятелей!... Прочія роли выполнены хорошо, а кто ихъ занималъ — могутъ любопытные читатели узнать изъ аффиши.

Балетъ: *Рауль синяя борода*, такъ извѣстенъ, что упоминать о содержаніи онаго почитаемъ за излишнее.—Дивертисманъ былъ — дивертисманъ; все обстояло благополучно и новаго ничего не было.

В. У.

Г-ну РАИЧУ-АМФИТЕАТРОВУ.

М. Г.!

Не понимаю, почему угодно вамъ дѣлать меня лжецомъ въ вашемъ Журналѣ. Мнѣ кажется, вамъ должно быть очень памятно, какъ я прислалъ къ вамъ письмо, въ которомъ объявилъ, что стихи: *Видѣніе Валтазара*, доставлены лично самимъ Авторомъ мнѣ, для передачи въ Телеграфъ. Еще разъ повторяю вамъ, что вы не могли получить сихъ стиховъ прямо отъ Автора, слѣдственно не могли уличить Г-на Издателя Телеграфа въ перепечаткѣ стиховъ. Предугадываю уловку: въ Галатеѣ можетъ явиться письмо, будто-бы отъ Автора стиховъ, какъ доказательство вашей правоты.

Все подобное, какъ вы сами говорили мнѣ, позволительно дѣлать *нашей-братьи журналистамъ* (*): повторяю *ваши собственныя слова.* Я никогда не просилъ васъ не помѣщать письма моего, разъ написавъ его для помѣщенія въ Галатеѣ; но вы мнѣ, своими спросами, посылками, и увѣреніями въ томъ, какъ дурно связываться съ журналистами молодому Литтерашору, такъ надоѣли, что я, не видя письма моего помѣщеннымъ въ 10-мъ, 11-мъ и 12-мъ NN° Галатеи, радъ былъ тому, что вы оставили меня въ покоѣ, и согласился, что время ушло, и что письмо безполезно.

Вотъ какъ было дѣло, М. Г. — Теперь можете вооружиться на меня всею непристойностью вашей полемики: *печатно* отвѣчать вамъ не стану.

Александръ Ротчевъ.

(*) Смѣло увѣряю, что къ этому *братству* я не имѣю несчастія принадлежать. *Изд. Телеграфа.*

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Dans quelques magasins, on coud bord à bord des rubans de gaze à raies satinées, pour en former une espèce d'étoffe jaune et bleue, rose et verte, etc. Cette étoffe est convertie en chapeaux, à l'aide de petites baleines: la garniture consiste en fleurs des champs composées de plumes et en boucles de ruban.

En place d'une grosse fleur ou d'une plume étroite, d'un saule, on met quelquefois sur les chapeaux de paille d'Italie une plume très-large.

Des capotes de crêpe lisse bleu trés-clair, dit bleu *anglais*, ou vert très-pâle, dit vert *des Indes*, à forme ou calote beaucoup plus basse d'un côté que de l'autre, sont plissées à gros tuyaux. De nombreuses boucles de ruban entourent la forme et retombent sur la passe.

Le prix des chapeaux de carton imitant un tissu de paille, a considérablement baissé, lors même que ces chapeaux sont de la fabrique de Bristol, ou comme l'on dit dans les magasins, des *bristols-anglais*.

Les capotes de paille à passe longue et horizontale ressemblent tout-à-fait aux anciennes *glaneuses*; mais on leur a donné un nouveau nom: capotes *en plaisir* (en façon de gauffre, dite *plaisir*).

Dans les robes de mousseline à larges raies, l'une est souvent d'une nuance tendre, l'autre d'une couleur dure;

(*) До 1 Іюля (н. с.) 1829 г.

vert-thé, par exemple, et chamois; vert-thé et cerise; vert-thé et arbre de Judée.

Nous avons entendu parler d'une façon de robe que les dames anglaises appellent *Dona Maria*. Le corsage est à la vierge; et les manches sont serrées de distance en distance par des nœuds de ruban. La gaze de laine que l'on emploie pour robes *à la Dona Maria* réunit les couleurs du Brésil et du Portugal.

Les bracelets les plus nouveaux sont en écaille plus ou moins brune, noire ou blonde; le corps ou tour du bracelet est orné de *sujets* en or, estampés et appliqués en relief; pour plaques, au milieu des bracelets, ce sont, ou des têtes antiques (camées), ou des peintures au coloris sur porcelaine (dites sur émail), ou bien des portraits sur ivoire ou encore des oiseaux formés de plumes à reflets métalliques. Ces bracelets s'ouvrent et se ferment à la manière des carcans.

A la campagne, pour déjeûner, on étend sur la table une espèce de tapis en tissu de paille très-fin, que l'on appelle *nappe russe*

Un usage que les médecins, dit-on, ne blâment point, est celui de prendre des glaces une heure ou deux avant le dîner.

Des habits d'un nouveau genre, qu'on appelle *américains*, ont un collet très-large, des revers étroits, des basques larges et longues et un seul rang de boutons; nous en avons vu plusieurs en drap noir, avec collet pareil et boutons de drap.

Головные уборы. Въ нѣкоторыхъ модныхъ магазинахъ явились шляпки изъ ленты: сшиваютъ вмѣстѣ газовыя, съ атласистыми полосками ленты, отъ чего составляется родъ полосатой матеріи, желтой съ голубымъ, розовой съ зеленымъ, и проч. Изъ такой матеріи дѣлаютъ шляпки, устроивая ихъ на прутикахъ изъ китовыхъ усовъ; уборку составляютъ полевые цвѣты, изъ перьевъ, съ ленточными бантиками. — Вмѣсто огромнаго цвѣтка, узкаго пера, иву, убираютъ иногда желтыя соломенныя шляпки широкимъ перомъ. — У шляпокъ-капотовъ, изъ лощенаго крепа, голубаго, весьма свѣтлаго цвѣта, называемаго: *bleu anglais*, или зеленаго, весьма блѣднаго, называемаго: *vert des Indes*, верхъ тульи дѣлается наискось, съ одной стороны ниже, а съ другой выше, и съ большими складками. Множество ленточныхъ бантовъ окружаетъ тулью, и концы ихъ падаютъ на поля.— Картонныя шляпки, дѣлаемыя на манеръ соломенныхъ, весьма подешевѣли; даже Бристольскія шляпки, извѣстныя въ магазинахъ подъ именемъ: bristols-anglais — не дороги. — Соломенныя шляпки-капоты, съ огромными и прямыми полями, совершенно похожи на тѣ шляпки, которыя въ старину называли: glaneuses; но имя имъ дали теперь новое: capotes en plaisir, по причинѣ гоффрировки ихъ, называемой: plaisir.

Модныя платья. На полосатыхъ кисеяхъ, употребляемыхъ для платьевъ, часто одна полоса бываетъ нѣжнаго, другая густаго цвѣта, напримѣръ: зеленаго-чайнаго и серны; зеленаго-чайнаго и вишневаго; зеленаго-чайнаго и Іудина де-

рева. — Англичанки ввели въ моду платья, называемыя: *Донна Марія*, по имени Португальской Королевы, находящейся нынѣ въ Лондонѣ. Корсажъ у такого платья дѣлается à la vierge, и рукава нѣсколько разъ перехватываются завязками изъ ленть. Шерстяная тонкая матерія, употребляемая на сіи платья, соединяетъ въ себѣ цвѣта Бразильскаго и Португальскаго государства.

Модныя мелочи. Браселеты по новой модѣ дѣлаются чешуйчатыя, съ золотыми украшеніями; они застегиваются камеемъ, эмалевою картинкою, портретомъ на слоновой кости, или изображеніемъ птички, замыкаясь и отмыкаясь на манеръ каркана. Въ деревнѣ, къ завтраку, столъ покрываютъ рогожкою, сдѣланною изъ тонкой соломы; такой соломенный коверъ называютъ *Русскою скатертью*. Не думаютъ-ли въ Парижѣ, что мы завтракаемъ на рогожкахъ? — Вошло въ моду ѣсть мороженое за часъ и за два до обѣда. Говорятъ, что лекаря не осуждаютъ этой моды.

Моды мужскія. Явились новаго фасона фраки, называемые *Американскими*. У нихъ бываетъ широкій воротникъ, узкіе лацканы, широкія длинныя фалты и одинъ рядъ пуговицъ. Много Американскихъ фраковъ шьютъ изъ чернаго сукна, съ суконнымъ воротникомъ и суконными пуговицами.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Шляпка соломенная, съ газомъ. Кисейное платье. Гроденаплевый галстухъ (cravate), вышитый и обрѣзанный по краямъ зубчиками.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 13. *Іюль* 1829.

ЗАМѢЧАНІЯ

О Белль-Рокскомъ маякѣ въ Шотландіи.

Въ Англіи, гдѣ на каждый дюймъ земли устремляется вниманіе жителей, гдѣ нѣтъ ни одного уголка, изъ котораго не хотѣли-бы извлечь всей возможной пользы, попеченіе о приморскихъ мѣстахъ давно составляетъ предметъ особенныхъ стараній Правительства и частныхъ людей. Если устройство дорогъ и каналовъ показываетъ степень гражданской образованности государства, то, попеченіе объ устройствѣ береговъ въ Англіи, ясно показываетъ намъ сильную, просвѣщенную державу, совершенно знающую, что сила ея многимъ обязана владычеству надъ моремъ. Не посѣщавъ никогда Англіи, читайте *Путешествіе въ Великобританію* Дюпена, идите при его руководствѣ по берегамъ Англіи и Шотландіи, и вы убѣдитесь, что

геній Британскихъ острововъ истощилъ всѣ усилія своей дѣятельности, устроивая, укрѣпляя, безопася, украшая берега Британскіе. Къ числу важныхъ для мореплаванія предметовъ безспорно принадлежатъ маяки. Не будемъ говорить о потерѣ капиталовъ, разстройствѣ общественнаго порядка, производимаго гибелью мореплавателей по неимѣнію маяковъ: будемъ людьми, прежде нежели станемъ разсуждать, какъ политическіе экономы. Опасности и труды, коимъ подвержены мореходцы, столь велики, столь многочисленны, что одною изъ самыхъ полезнѣйшихъ цѣлей, какія могутъ себѣ предполагать знанія и науки, должна быть забота, хотя нѣсколько уменьшить труды и опасности мореплавателей; между опасностями-же нѣтъ ни болѣе неожиданной, ни болѣе неизбѣжной, какъ гибель, причиняемая мѣлями и подводными каменьями, окружающими приморскіе берега. Сколь часто, посѣтивъ отдаленнѣйшія страны, несчастный плаватель гибнетъ у самыхъ береговъ родины! Избѣгнувъ пучины далекихъ океановъ, свирѣпости бурь и убійственнаго чуждаго климата, онъ видитъ уже берега отчизны, сердце его бьется при надеждѣ скоро обнять родныхъ и милыхъ сердцу, и — смерть принимаетъ его въ свои хладныя объятія, потому только, что спасительный свѣтъ маяка не предостерегъ его на пути къ подводному камню и опасному берегу.

Зная и чувствуя все это, Англичане повсюду воздвигли маяки на тѣхъ мѣстахъ, куда торговля и дѣятельность общественныхъ сношеній привлекаетъ мореплавателей: повсюду мореплаватель извѣщенъ объ опасности. Но нѣкоторые изъ Англійскихъ маяковъ, будучи на важныхъ и опасныхъ мѣстахъ, представляютъ собою преимущественно чудеса смѣлости, ума и общественной роскоши. Всѣтъ извѣстенъ знаменитый Эддистонскій маякъ, построенный въ 1756—1759 гг. въ морѣ, на скалѣ, въ трехъ Англ. миляхъ отъ Плимута. Не менѣе замѣчателенъ, по искусству, съ какимъ устроенъ, по трудностямъ, какія надобно было преодолѣть при построеніи, по важности мѣста, имъ занимаемаго, маякъ *Белль-Рокскій*, коего изображеніе мы представляемъ читателямъ при сей книжкѣ Телеграфа.

Слѣдуя по восточному берегу Великобританскаго острова, отъ Темзы къ Сѣверу, мы встрѣтимъ множество знаменитыхъ гаваней и мѣстъ, каковы: Гарвичъ, Ярмутъ, Скарборугъ, Шильдъ, Бервикъ; но изъ всѣхъ ихъ заливъ Уаштскій и заливъ Гумберскій, въ Англіи, представляютъ огромнѣйшіе разливы водъ. Таковы-же находящіеся далѣе къ Сѣверу, въ Шотландіи, два огромные залива, образуемые Фейфскимъ полуостровомъ, по правую сторону косго впадаетъ въ море рѣка Фортъ, по лѣвую рѣка Тай. Сіи два

залива, касаясь важнѣйшей части Шотландіи, родины Бакона, Адама Смита, В. Скотта, суть главные пункты торговли и общественной дѣятельности Шотландцовъ: тутъ находятся города Дунбаръ, Эдимбургъ (имѣющій болѣе 140,000 жителей), Киркальди, Дейзартъ, Букгавенъ, Сентъ-Андрью, Пертъ, Дундей, Аберброшуикъ, и множество другихъ. Такое мѣсто стоило заботъ, которыя могли-бы обезопасить плаваніе и торговлю. «Заливы Форпскій и Тайскій,» говоритъ Дюпенъ, «освѣщены маяками, по сисистемѣ удивительно хорошо разсчисленной.» Близь Эдимбургскаго порта, или города Лейта, на островѣ Инчкейтѣ построенъ маякъ; другой находится на островкѣ Меѣ; на скалѣ Карр-ской, между обѣими заливами, учреждены вѣстовые знаки (beacon); на сѣверъ, въ концѣ Тайскаго залива еще маякъ. Но въ 20 километрахъ отъ берега Фейфскаго полуострова, въ морѣ, лежитъ скала, Белль-Рокская. Она вся покрывается водою, и видна только отчасти при отливѣ; положеніе оной таково, что всѣ идущіе изъ Англіи, съ Сѣвера Шотландіи, изъ Норвегіи, Бальтійскаго моря, Даніи, Голландіи корабли встрѣчаютъ опасность величайшую. Еще въ XIV вѣкѣ, какъ увѣряютъ, повѣшенъ былъ на сей скалѣ колоколъ, предувѣдомлявшій плавателей, и отъ того, какъ говорятъ, произошло самое имя скалы (Bell-Rock, *колокольная скала*). Въ

послѣдовавшее время, всегда чувствовали важность устройства маяка на семъ мѣстѣ. Особливо послѣ ужасной бури 1790 года, когда корабли, вырванные изъ Англійскихъ восточныхъ гаваней, погибли на Белль-Рокѣ, Правительство опредѣлило непремѣнно построить тутъ маякъ. Описаніе построенія онаго есть описаніе торжества человѣка надъ стихіями. Всѣ новыя усовершенствованія механики, инженернаго искусства и архитектуры, показаны были въ полномъ блескѣ на Белль-Рокской скалѣ. В. Скоттъ, посѣтивъ Белль-Рокскій маякъ, осмотрѣвъ его устройство, механизмъ освѣщенія, прочность и красоту, съ восторгомъ импровизировалъ слѣдующіе стихи, вписанные имъ самимъ въ книгу, находящуюся на маякѣ, для записки именъ посѣтителей:

Far in the bosom of the deep
O'er the wild shelves my watch I Keep.
A ruddy gem of changeful light,
Bound on the dusky brow of night,
The seaman bids, my lustre hails,
And scorns to strike his timorous sails.

Белль-Рокская скала находится подъ 56° 29′ Сѣв. широты и 2° 22′ З. д. отъ Гриньича. Ширина ея во время отлива представляетъ пространство въ 70 метровъ, длина въ 130 метровъ; но подводная часть длины простирается гораздо далѣе. Поверхность скалы весьма неровна;

самую скалу составляетъ пещаникъ, подобный составу каменьевъ на противолежащихъ берегахъ Шотландіи. Можетъ быть, въ незапамятныя времена, скала Белль-Рокская составляла островокъ, находившійся поверхъ воды; нынѣ она голый камень; на ней видны только наносныя морскія растѣнія; здѣсь мѣсто отдыха тюленей, во время отлива.

Въ сооруженіи Эддистонскаго маяка, главнѣйшее затрудненіе состояло въ малости мѣста для постройки. На Белль-Рокѣ этого неудобства не было, но представлялись другія, не меньше. Работать можно было только во время отлива, днемъ, и ночью, при свѣтѣ факеловъ. Тутъ надлежало размѣривать и строить, спасаясь послѣ краткой работы отъ свирѣпости прилива, который, какъ мы уже сказали, совершенно покрываетъ волнами Белль-Рокъ.

Составленіе проэкта поручено было Г-ну Стевенсону, извѣстному инженеру, и онъ оправдалъ надежду на его опытность и отвагу. Въ 1800-мъ году Стевенсонъ осмотрѣлъ Белль-Рокъ подробно, и представилъ планъ и смѣту. Діаметръ перваго ряда камней предположилъ онъ въ 12,810 метровъ, высоту строенія 30,300 метровъ, объемъ 809,470 метровъ; смѣта расходовъ была 60,000 ф. с.

Сборъ суммы задержалъ исполненіе. Въ 1806 г. билль о постройкѣ утвержденъ Парламентомъ; въ 1807 году начались работы; Февраля 14-го

1811 года зажгли въ первый разъ огонь на маякѣ; все было окончано съ небольшимъ въ три года, и стоило 61,331 ф. с.

Работники, какъ мы уже сказали, могли работать только тогда, когда море не покрывало Белль-Рока, но переѣздъ на берегъ отвлекалъ-бы и затруднялъ работниковъ. Посему прежде всего утвердили на Белль-Рокѣ брандъ-вахту, гдѣ на время зажженъ былъ и вѣстовой огонь. Разныя суда укрѣплялись къ брандъ-вахтѣ и посредствомъ ихъ производилось сообщеніе съ берегомъ. Гранитъ, которымъ обложенъ маякъ, и песчаникъ, изъ коего складена внутренность маяка, обдѣлывались въ приморскомъ городкѣ Арбротѣ. Августа 7-го 1807 г. самъ Стевенсонъ переѣхалъ на Белль-Рокъ; немедленно очистили мѣсто отъ морскихъ растѣній, размѣряли основаніе, и прежде всего начали строить временное жилье для рабочихъ и разныхъ занятій. Изображеніе сего убѣжища, построеннаго на скалѣ, ежедневно покрываемой моремъ, находится у Дюпена. Для постройки зданія укрѣпили въ скалу шесть переводинъ, каждая 15-ти метровъ въ длину, желѣзными скобами (вѣсомъ каждая въ 63,560 килогр.), вбитыми на 5-ть центиметровъ въ камень. Сіи переводины, сведенныя угломъ къ верху, и скованныя желѣзомъ, были фундаментомъ убѣжища. На этомъ основаніи, выше волнъ, построенъ былъ домъ, въ которомъ находились

мастерскія и жилье. По желѣзнымъ дорожкамъ вскатывали на Белль Рокъ каменья, приготовленные на берегу, потомъ машинами подымали и везли ихъ по мосту на самый маякъ.

Нѣсколько разъ бури и волны угрожали строителямъ совершенною гибелью. Однажды брандъ-вахту снесло порывомъ вѣтра, и работники оставались на скалѣ въ совершенномъ отчаяніи жизни. Къ счастію успѣли съ берега подать имъ помощь. Въ другой разъ волны такъ быстро хлынули на маякъ, едва возвысившійся надъ поверхностью прилива, что работники не успѣли убѣжать на суда и въ свое убѣжище, и нѣсколько часовъ были въ опасности на неконченномъ и несовершенномъ зданіи своемъ.

Полное описаніе всѣхъ трудовъ, подъятыхъ при постройкѣ маяка Белль-Рокскаго, было помѣщено въ Глазговскомъ Mechanic's Magazine (1826 г.). Но читатели, желающіе имѣть надлежащее понятіе объ искуствѣ строителей, должны прочитать описаніе Белль-Рокскаго маяка въ Дюпеновомъ: Voyages dans la Grande Bretagne (дешевое, но, не смотря на то, превосходное изданіе сей книги сдѣлано въ 1827 г. въ Брисселѣ, съ атласомъ. *Первое* и *второе*, Парижскія, напечатанныя великолѣпно, весьма дороги). Дюпенъ посвятилъ сему знаменитому произведенію искуства особую главу (т. VI, стр. 174 - 189), и въ подробныхъ рисункахъ показалъ всѣ подроб-

ности постройки, механизмъ освѣщенія и устройство, на какомъ основано содержаніе Белль-Рокскаго маяка. Мы прилагаемъ здѣсь только изображеніе наружнаго вида маяка и изображеніе разрѣза его, во всю вышину. Сей рисунокъ можетъ дать только нѣкоторое объ ономъ понятіе.

Желательно, чтобы Русская публика болѣе ознакомилась съ упомянутымъ нами Дюпеновымъ Путешествіемъ въ Англію, особенно, чтобы наши журналы, преимущественно посвящаемые военному, морскому искусству, торговлѣ и мануфактурамъ, представляли намъ поболѣе выписокъ и рисунковъ изъ онаго. Ожидать, чтобы твореніе Дюпена было вполнѣ представлено Русской публикѣ, значило-бы ожидать несбыточнаго, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени. Что-жъ можетъ знакомить теперь Русскихъ читателей съ предпріимчивостію, дѣятельностью, обиліемъ способовъ Англіи, въ отношеніи военномъ и торговомъ, со всѣмъ тѣмъ, чему Дюпенъ сдѣлалъ столь вѣрное описаніе, если не повременныя наши изданія? Не всѣ Русскіе читатели имѣютъ средства читать и имѣть Французскій подлинникъ.

NOUVEAUTÉS EN VENTE

Chez Ch. URBAIN et Comp. à Moscou.

Agenda général, ou livret pratique d'emploi du tems par Julien. 1 vol. 10 r.

Biomètre, ou mémorial horaire par Julien. cart. 8 r.

Mémoires de Joséphine, nouvelle édition. 3 vol. in 8° br. 40 r.

Clefs-d'oeuvre du théâtre Indien, trad. par Wilson. 2 vol. in-8°. 22 r.

Contes inédits des mille et une nuits, traduits par Tributien. 3 vol. in-8°. 35 r.

Précis de l'économie politique par Blanqui. in-32. 6 r.

Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon, par Robert Southey. 2 vol. in-8°. br. 22 r.

Voyage dans les cinq parties du Monde, par Albert Mauté-mant 6 vol. in-18. br. 45 r.

Historial du jongleur, chroniques et légendes françaises, ornées d'initiales, vignettes et fleurons imités des manuscrits originaux. 1829. 1 vol. in 8°. 35 r.

Tableau de la littérature française au XVIème siècle, par M. St. Marc Girardin et Chasles. Paris, 1829. in-8°. br. 10 r.

Essai d'une imitation libre de l'Eneïde en vers français par Julien Bonhomme. Paris 1829. 2 vol. in-18 br. 8 r.

Pensées de Jean Paul, extraites de tous ses ouvrages. in-18. 5 r.

Essai sur l'universalité de la langue française, par Allou. 12 r.

Barême des couleurs, ou les teintes faites au nombre de 616 par Jarle. in-8°. oblong. 12 r.

Contes dans un nouveau genre, pour les enfans qui sont bien sages, par Mad. Debyre. 3 vol. in-12. br. 15 r.

Les feux couverts par Fréville in-18. br.

Histoire d'Ecosse par W. Scott. 7 vol. in-12. br. 25 r.

Les tomes 4, 5, 6, 7 du même ouvrage. 15 r.

Odes et ballades par Victor Hugo. 2 vol. in-8°. ornés de belles gravures. 22 r.

Annales romantiques pour 1829, superbe édition avec gravures. 16 r.

Contes à mes petites amies, par Bouilly. 2 vol in-12. br. 12 r.

Le tome second séparément 6 r.

Nouveaux mêlanges asiatiques, ou recueil de morceaux critiques et de mémoires relatifs aux religions, aux sciences etc. des nations orientales par Abel Rémusat. Paris, 1829. 2 vol. 20 r.

Histoire de la Louisiane, par Barbé Marbois. Paris, 1829 in-8°. br. 12 r.

De la nature des sciences morales, ou de la raison et de la conscience, dans leurs rapports avec la loi et le précepte par Curel. in-8°. br. 10 r.

Histoire de l'agriculture des Gaulois, depuis leur origine jusqu'à Jules César par Rougier. Paris, 1829. in-8°. br. 10 r.

Economie politique, par Droz. 1829. in-8°. br. 10 r.

Aux mères de famille sur leurs devoirs comme épouses et mères. in-18. br. 2 r. 50 c.

Education familière, ou série de lectures pour les enfans, depuis le premier âge jusqu'à l'adolescence par Miss Edgeworth. Lectures du premier âge. 2 vol. 8 r.

Almanach des Muses pour 1829. 5 r.

Manuel de l'homme du Monde, guide complet de la toilette et du bon ton. 1829. in-18. br. 5 r.

Manuel de la jeune femme, guide complet de la maîtresse de maison. 5 r.

Code gourmand, manuel complet de gastronomie in-18. br. 5 r.

Code pénal, manuel complet des honnêtes gens. 5 r.

Code de la cravate, traité de la mise de la cravate. 4 r.

Code de la conversation, manuel du langage élégant et poli. 5 r.

Code épistolaire, par Bernier in-18. br.

Code de commerce, manuel d'industrie commerciale. 4 r.

Code de l'amour, rédigé par Molière. 4 r.

Cuisinier des gourmands, ou la cuisine moderne, par Martin. 5 r.

Essai sur les félicités humaines, ou dictionnaire du bonheur, par Mad. Candeille. 2 vol. in-12. br. 15 r.

Élémens de pathologie vétérinaire, ou précis théorique et pratique de la médecine et de la chirurgie des animaux domestiques, par Vatel. 3 vol. in-8°. br. 35 r.

Bibliothèque étrangère, d'histoire et de littérature ancienne et moderne, par Aignan. 3 vol. in-8°. br. 30 r.

Almanach des spectacles pour 1829, in-18. br. 7 r.

Richesses (des) du pauvre, et des misères du riche. 1829. 5 r.

Art de composer, de décorer et de distribuer à peu de frais, toute espèce de jardins, 1 vol. de texte et l'autre de planches. 15 r.

Annuaire Médico-Chirurgicale, ou répertoire général de clinique rédigé par le docteur Caucanas. 2 vol. in-8. br. 28 r.

Chimie appliquée aux manufactures, aux arts et à l'agriculture, par Martin. Paris, 1829. 2 vol. in-12. br. 16 r.

Malvina, ou un mariage d'inclination, com. vaud. par Scribe. 4 r.

La Fiancée, opéra comique en 3 actes, paroles de Scribe. 6 r.

Les Moralistes, comédie, vaudeville en 1 acte, par Scribe. 4 r.

Théorie des richesses sociales par le comte Frederick Skarbek suivie d'une bibliographie de l'économie politique. 1829 2 vol. in-8°. br. 20 r.

Rhétorique et poétique de Voltaire, appliquées aux ouvrages des siècles de Louis XIV et de Louis XV, par Johanneau. in-8°. br. 12 r.

Tables synchroniques de l'histoire de France, ou chronologie des siences et états contemporains sous les diverses périodes de la monarchie française par Vaublanc. in-8. br. 20 r.

Dictionnaire de santé ou vocabulaire de Médecine pratique par Coster. Paris, 1829. 2 vol. in-8°. br. 20 r.

Répertoire du théâtre de Madame. 66 vol. in-18. pap. vélin. 100 r.

Traité des prairies naturelles et artificielles par Boitard, ouvrage orné de 48 planches coloriées. 36 r.

De la génération, par Buzareingues. in-8°. br. 10 r.

Médecine du boeuf, ou traité des maladies les plus meurtrières des bêtes bovines par Rodet. 1829. in-8°. br. 10 r.

Manuel de l'élagueur, ou de la conduite des arbres forestiers par Hotton. in-12. 4 r.

Art de blanchir et de nettoyer le linge, par les procédés ordinaires et au moyen de la vapeur, par Massanet. 1 vol. 4 r.

Traité de la ferrure, sans contrainte, au moyen de ferrer les chevaux les plus vicieux en moins d'une heure par Balassa. in-8°. 4 r.

Manuel de miniature et de gouache, par Constant-Viguier, suivi du manuel du lavis à la sépia et de l'aquarelle. in-18. br. 5 r.

Manuel du maître d'école, ou guide pour enseigner et apprendre à lire, à écrire et à compter, par l'abbé Vincent, avec un traité de calligraphie. in-18. 5 r.

Jeu des petits voyageurs aux cinq parties du monde, ou enseignement mutuel de géographie descriptive et historique. 2 vol. in-18. fig. col. 20 r.

Le même ouvrage, figures noires. 12 r.

Manuel complet du voyageur dans Paris, ou nouveau guide de l'étranger dans cette capitale. 1 vol. avec plans et monumens. 7 r.

Conseils à un jeune officier, par un ancien colonel d'infanterie, par Delavigne. in-12. br. 6 r.

Manuel du Fashionable, ou guide de l'élégant. Paris, 1829. in-18. br.

Théorie de l'art de boxer. Paris, 1829. avec gravure 2 r.

Stéquiotechnie, ou l'art d'enseigner à lire en 20 leçons par Moutémant. 3 r.

Art de fabriquer la fayence, par Bastenaire Daudenart. in-12. br. 7 r.

Dernier (le) voyage de Nelgis, ou mémoires d'un vieillard par Mad. de Genlis. 1829. 3 vol. in-12. 12 r.

Entrée dans le Monde, par Miss Jane Porter. 4 vol. in-12. 16 r.

Dix (les) soirées malheureuses, contes d'Abd-Errahman, trad. de l'Arabe, par Marcel. 1829. 3 vol. in-12. 15 r.

Théâtre de M. Comte, dédié à l'enfance. 1 vol. avec gravure. 4 r.

Conseils de morale ou essais sur l'homme, les moeurs, les caractères etc., par Mad. Guizot. 2 vol. in-8°. br. 22 r.

Bon (le) jardinier, almanach pour 1829. 1 vol. 12 r.

Classification et description des vins de Bordeaux. in-12. 5 r.

Etudes analytiques sur les diverses acceptions des mots français par Mlle. Faure. 5 r.

Mémoires d'une contemporaine, ou souvenirs d'une femme sur les principaux personnages de la république, du consulat, de l'empire etc. Paris, 1829. 4ème édition 8 vol. 80 r.

Traité de perspective simplifiée, par Mad. Adèle le Breton. 2 vol. in-4°. 35 r.

Examen de la méthode curative nommée homéopathie, par le docteur Bigel. 3 vol. in-8°. 35 r.

Traité du siège et de l'attaque des places, par le maréchal Vauban. Paris, 1829. 2 vol. in-8°. et atlas in-f°. 40 r.

Cinq Mars, ou une conjuration sous Louis XIII. par A. de Vigny. 4 vol. 16 r.

Précis de l'histoire de la constitution de l'Angleterre, d'après Hallam, par Bergers. in-8°. br. 12 r.

L'Europe au moyen âge par Hallam. 4 vol. in-8°. br. 40 r.

Théorie de la procédure civile, précédée d'une introduction, par Bancenne. Paris, 1828. tome 1er. pour 2 vol. 25 r.

Monographie de la goutte, et découverte du moyen de la guérir, par Duringe. Paris, 1829. in-8°. br. 16 r.

Histoire des rois et des ducs de Bretagne par M. de Roussux. Paris, 1828. tomes 1 et 2. 20 r.

Theresina, ou l'enfant de la providence par Mad. de Genlis. 1 vol. in-12. 4 r.

Histoire financière de la France depuis l'origine de la Monarchie jusqu'à l'année 1828, par Bresson. 2 vol. in-8°. br. 25 r.

De la connaissance du tempérament, 9ème edition, revue par le docteur Delacroux. Paris, 1829. in-8°. br. 4 r.

Histoire de Joachim Murat, par Gallois. in-8°. br. 12 r.

Dictionnaire historique de Paris, orné de 43 vues et de 4 plans. 2 vol. in-8°. br. 25 r.

1572, Chronique du tems de Charles IX. in-8°. br. 12 r.

Mémoires du maréchal Suchet, duc d'Albufera sur sa campagne en Espagne. 2 vol. in-8°. et atlas in-f°. 54 r.

NB. Leur cabinet de lecture s'est enrichi de beaucoup de nouveautés dont le catalogue paroitra incessamment.